

Добавил(а) Социология
01.09.10 21:11 -

ФГУ «ГОСДАРСТВЕННЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ СЕМЬИ И ВОСПИТАНИЯ»

На правах рукописи

АЛЕКСЕЕВА

Лариса Семеновна

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ

СОЦИАЛЬНОГО ПАТРОНАТА СЕМЕЙ

В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Специальность 22.00.04 – социальная структура,

социальные институты и процессы

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

доктора социологических наук

Москва – 2007

Работа выполнена в ФГУ «Государственный научно-исследовательский институт семьи и воспитания»

Научный консультант:

академик РАО, доктор социологически наук, профессор, директор ФГУ «ГосНИИ семьи и воспитания» Дармодехин Сергей Владимирович

Официальные оппоненты:

Добавил(а) Социология
01.09.10 21:11 -

доктор социологических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии государственной службы
Анисимов Сергей Алексеевич

доктор социологических наук, профессор, декан факультета психологии, заведующая кафедрой социологии Московского гуманитарного университета Ковалева Антонина Ивановна

доктор исторических наук, профессор, заместитель министра социальной защиты населения Правительства Московской области
Холостова Евдокия Ивановна

Ведущая организация:

Российский государственный социальный университет,

Добавил(а) Социология
01.09.10 21:11 -

кафедра социологии социальной работы

Защита состоится 8 ноября 2007 года в 15 часов на заседании диссертационного совета Д 008.001.01 при ФГУ «Государственный НИИ семьи и воспитания» по адресу 119121, г. Москва, ул. Погодинская, д. 8 (тел. 247-06-06), зал диссертационных советов.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГУ «ГосНИИ семьи и воспитания» по адресу: г. Москва, ул. Погодинская, д. 8.

Автореферат разослан « _____ » сентября 2007 года

Ученый секретарь

диссертационного совета Сабитова Г.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Современный период трансформации российского общества представляет собой процесс поиска и становления новых институциональных форм, соответствующих изменившимся условиям существования государства. В социологии эти формы рассматриваются как социальные институты - устойчивые комплексы норм, правил, символов, регулирующие различные сферы человеческой жизнедеятельности, организующие их в систему ролей и статусов, с помощью которых удовлетворяются основные социальные и жизненные потребности.

Политические, экономические и социальные реформы, проводимые в нашей стране с начала 90-х гг. XX века в небывало короткие сроки и в режиме крутых перемен, оказали

самое негативное воздействие на жизнедеятельность семей с детьми с низким уровнем доходов и культурной компетентности, не способных к самоорганизации, привыкших за годы советской власти к системе государственного патернализма. Чувствительные к любым изменениям, особенно связанным с резким социально-экономическим и социокультурным переструктурированием общества, они маргинализируются, утрачивая прежний социальный статус, а вместе с ним социальные связи. В такой динамике социальной ситуации семей отражается их кризисное состояние и формируется зависимость от системы социальной поддержки, которая из-за своей слабости и неэффективности не в состоянии удовлетворять запросы семей.

Превращение семей маргинального типа в своеобразное «большинство» в России приобрело весьма устойчивую тенденцию. Для защиты их жизни и благополучия, как и для упорядочения целостности социокультурного пространства, требуются специальные усилия со стороны властных структур. Их эффективность зависит от воли и заинтересованности, а также от непосредственного участия в этом процессе социально ориентированного государства - как высшей формы организации жизни современного общества, постоянно усложняющего систему своих социальных институтов.

Новым для России многофункциональным институциональным комплексом является социальная работа. Она призвана реализовывать целую гамму ключевых общественных потребностей – производство и оказание социальных услуг, социальной помощи и поддержки, социальную реабилитацию инвалидов, профилактику безнадзорности несовершеннолетних и социального сиротства, социальный контроль, защиту гражданских, экономических, политических прав и интересов социальной уязвимых групп населения. Ее актуальность состоит в обеспечении социального здоровья общества и содействия осуществлению социальных изменений таким образом, чтобы конфликты и дезинтеграция оставались минимальными.

Проблема, определившая проведение настоящего диссертационного исследования, заключается в том, что между назревшей необходимостью в институционализации той части профессиональной сферы социальной работы, которая должна способствовать решению социальных проблем семей с детьми высокой степени сложности, и практическим осуществлением социальной работы существует целый ряд противоречий. Общественная потребность в социальной работе диктует необходимость своевременно, активно и адекватно реагировать на неблагоприятное состояние таких семей и изменения их положения в обществе, а это в свою очередь предполагает наличие у субъектов и акторов социальной работы специальных знаний, умений и навыков. Однако до сих пор многое в системе отношений социальной работы все еще находится в стадии реформирования, в ней доминирует государственное регулирование социальных

процессов, уровень же профессионального самоуправления самих социальных работников продолжает оставаться низким. Серьезные методологические просчеты заложены на государственном уровне и в концепцию социальной работы с семьей, которая полностью отождествляется с оказанием социальных услуг, т.е., по сути, сводится к социальному сервису, что негативно отражается на ее организации, формах, методах и содержании, а значит, качестве и эффективности. Сама по себе работа с семьями маргинального типа очень сложна, но еще больше ее затрудняет принятая в стране модель социальной работы, базирующаяся на осознанном запросе и соответствующем отношении клиента к своим проблемам. При этом нежелание значительной части представителей таких семей следовать принятым в сообществе нормам и правилам ставит общество уже сегодня перед выбором - либо подвергаться постоянной угрозе их агрессивных вспышек, либо обеспечивать равные возможности для интеграции в социокультурные нормативные рамки. Последнее невозможно без создания института, целенаправленно воплощающего идею интеграции социально недееспособных семей с детьми в общество, а также их дополнительного обучения, переобучения, просвещения, социализации и ресоциализации. Такой институт - социальный патронат. Функционально он ориентирован не на пассивное приспособление представителей маргинальных семей к сложившейся у них социальной позиции, как это происходит сегодня в социальной работе, а на активное и осознанное усвоение и использование доступных культурных и социальных навыков. Посредством действия института социального патроната может быть осмыслен как значимая социальная проблема феномен «социальное исключение семей с детьми» и тем самым сформирован взгляд на российское общество как на способную к изменениям систему, в которой доминирование государственных интересов сменяется учетом интересов населения, и прежде всего семей с детьми.

Таким образом, актуальность исследования обусловлена:

- научной и практической потребностью в комплексном анализе, помогающем предвидеть последствия для общества процессов исключения значительной части семей с детьми из общественной жизни, т.е. прогнозировать его воздействие на состояние и развитие общества

- практической потребностью совершенствования «просемейной» идеологии в деятельности института социального патроната, конечным результатом которой станет, с одной стороны, расширение сферы деятельности института социальной работы, с другой, ответственности общества за жизнедеятельность семей с детьми, их эффективное функционирование;

- потребностью в выработке специальных подходов к исследованию института социального патроната семей как разновидности новых демократических институтов и культурных образцов, которые развивают социологию и обогащают ее новыми концепциями, направленными на решение таких трудных проблем общественной жизни, как защита прав социальных меньшинств и маргинальных групп, преодоление их дискредитации и изоляции от общества; ликвидации дискриминации по материальному и социальному принципу, изменение общественных аттитюдов.

- потребностью в повышении информированности российского общества о наличии в нем явления «социальная изоляция семей с детьми», его объективных причин, пока не привлекающего к себе внимания и не вызывающего общественного резонанса, но постоянно самовыражающегося в самых разных формах конфликтного поведения отдельных лиц и групп граждан, считающих себя несправедливо ущемленными.

Степень разработанности проблемы. Проблематика социального патроната как разновидности социальной работы с особо сложными категориями семей занимает важное место в системе социологического знания. Основы его, заложенные еще в идеях филантропии и благотворительности, призрения и попечительства, прослеживаются уже в работах Г. Гегеля, Э. Дюркгейма, О. Конта, Г. Спенсера, Ж-Ж. Руссо. Формирование же исследовательских традиций в этой сфере начиналось в рамках структурно-функционального и системного подходов (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс, П. Сорокин, Р. Мертон, Н. Луман, У. Мур, К. Дэвис), в соответствии с которыми социальная работа выступает как организованная структурная целостность. Каждый ее элемент (социальная работа как наука; социальная работа как специфический вид практической деятельности; социальная работа как учебная дисциплина и учебная деятельность) имеет свое функциональное «назначение» - по отношению друг к другу и к социальной системе вообще.

Теоретические аспекты становления социальной работы, а в ее рамках и социального патроната, свидетельствуют об их междисциплинарном статусе. Данное предположение находит свое подтверждение в близости теорий социальной работы к социологическим концепциям, из которых они могут черпать синтезированные знания и теоретические постулаты для выделения собственных предмета и объекта, в том числе, касающиеся проблем трансформации общества («неомарксизм» Т. Адорно, Ю. Хабермас, Э. Гоулднер), символического интеракционизма (Дж.Г. Мид, Г. Блумер), социальных изменений и связанных с ними социальных девиаций и травм (Д. Белл, Р. Мертон, П. Штомпка), социально-классовой структуры (Т.И. Заславская, З.Т. Голенкова, В.И. Руткевич, Н.М. Римашевская, Г.В. Осипов).

Как область познания и один из сегментов социологии, социальная работа обращается и к таким общесоциологическим теориям, как интегративная социология П.А. Сорокина, социальные конфликты Л. Козера, Р. Дарендорфа, К. Боулдинга, теория « взаимодействия» Г. Зиммеля; «социального действия» и «понимающей социологии» М. Вебера; феноменологической социологии Э. Гуссерля, «теория интерсубъективности» А. Шютца, когнитивная социология А. Сикурелла, социология знаний П. Бергера и Т. Лукмана, «структуриации» А. Гидденса, «экоатропоцентрической парадигмы» Т.М. Дриздзе, «концепции коммуникативного действия» Ю. Хаббермаса.

Использование междисциплинарного подхода в исследовании, как социальной работы, так и социального патроната, помогает решать проблемы их институционализации в рамках тех многообразных социальных процессов, которые направлены на их становление и формирование как социальных институтов, способствующих преобразованию организаций индивидов и групп в социальную систему. Специфика социальных институтов, их роль, как и значение демократических процедур, связанных с их становлением и развитием, наиболее полно исследовали П. Бергер, Э. Дюркгейм, А. Гидденс, Т. Лукман, Д. Норт, Т. Парсонс, К. Поланьи, А. Турен, Ю. Хабермас, П. Штомпка.

Изменяющиеся представления о динамике современных обществ, отдельных социальных групп и организаций, сделав активным участником исторического процесса человека, привлекали внимание к проблемам социальных практик. Начиная с П. Бурдьё, Л. Виттгенштейна, М. Хайдеггера, Э. Гидденса К. Гирца, конечным источником всякого развития стали признавать не структуры, а действия постоянно рефлексизирующих и мотивированных на достижение определенного результата конкретных практик активных личностей – акторов и агентов. Особого внимания в этой связи заслуживают и исследования исторических реконструкций социальных практик как основных объектов познания, а также фаз их институционализации (М. Фуко, И. Гоффман, Л. Виттгенштейн, М. Хайдеггер).

Практика социальной работы, как и социального патроната, в соответствии с концепциями действующей личности Э. Гидденса, Л. Виттгенштейна, М. Хайдеггера стала рассматриваться как форма социального изменения среды, социальных отношений, ситуации клиента, а в теоретических концепциях осмысливаться как восстановление их социального функционирования (К. Швайниц, Ф. Лоури, С. Бауэрс, У. Боэм, Ф. Холлис).

Разрабатываемые российскими социологами теории институционализации, опираясь на положения классической социологии, социальной антропологии, культурологии, политической экономики, также дополняются новыми концептуальными схемами. Для целей нашего исследования интерес представляет идея базовых институтов - как

локализованных в пространстве и повторяющихся во времени инвариантов и элементов социальной жизни (Д. Норт, Э. Гидденс), и отдельно - «комплементарных», дополнительных, формирующих во взаимодействии с базовым устойчивую институциональную среду, или матрицу (О.Э. Бессонова, С.Г. Кирдина). Идея базовых и комплементарных институтов помогает рассматривать в аналогичном ключе социальную работу и социальный патронаж.

Своего осмысления с позиций эволюции требует и трансформирующееся российское общество. Теоретико-методологический анализ состояния данного процесса помогает лучше понять, под каким углом зрения воспринимаются государством, индивидами, семьями социальные проблемы, через какие фильтры это восприятие проходит. Результаты исследований В.Э. Бойкова, В.Г. Воронина, В.А. Ивановой, Д.Л. Константиновского, Ж.Т. Тощенко, В.Н. Шубкина, В.А. Шляпентоха, В.А. Ядова указывают на то, что приобретаемый членами российского общества опыт, оживляя динамику и многообразие стратегий адаптации и выживания в новых условиях, выступает в роли индикатора качества человеческой жизни. Для «проигравших» аналогами его становятся «катастрофическое мышление», «культурные травмы», «аномии неуспеха» (В.В. Радаев, М.А. Можина., Л.Н. Овчарова, О.И. Шкаратан). При этом в борьбе за выживание они усваивают «трагический нарратив» перемен (Александр), за которым могут следовать уход от действительности, анархию, бунт, суициды - как те символические культурные ресурсы, с которыми ассоциируется возможность воздействия на систему (Л.А. Беляева, А.Н. Демин, И.А. Климов, Л.Е. Петрова, И.П. Попова). Все это актуализируется через психическое и физическое состояния, настроения и поведение людей и коррелирует со степенью их интеграции в социальную структуру (Г.Л. Воронин, Ж.Т. Тощенко, П. Штомпка). В социологии указанные проблемы уже находили свое отражение в работах К. Маркса о прогрессирующей поляризации общества и массового обнищания пролетариата, М. Вебера - о неравных «жизненных шансах» и его последствиях, Р. Мертона, описавшего «эффект Матвея» (Matthew effect), который содержит идею прогрессирующего расслоения – «богатые будут еще богаче, а бедные еще бедней»

Диспропорции общественных процессов связываются российскими учеными и с характером проводимой в стране социальной политики, реализующейся в рамках реформ экономической сферы, использующих либеральные концепции преобразования общества. Идеология их все сводит к игре рынка, самостоятельно решающего главные социальные проблемы. И хотя сами по себе вопросы взаимосвязи социальной политики с социальной работой социологами страны специально не затрагиваются, их выводы имеют для нее важное методологическое значение, так как быстрая поляризация общества, как результат ее

ориентации исключительно на рынок, «тянет» за собой и такие социальные проблемы, как увеличение бедности, социального сиротства, преступности. (З.Т. Голенкова, Т.И. Заславская, В.О. Рукавишников, Р.В. Рывкина, А.А. Гордон, Э.В. Клопова, О.И. С.В. Дармодехин, Н.М. Римашевская, О.И. Крыштановская, В.Л. Иноземцев, А.А. Галкин, И.Б. Горкавая, Л.Я. Косалс, Ю.В. Яременко).

Доминирование таких базовых социальных ценностей, как защита обездоленных, особое внимание к проблемам социальных меньшинств, борьба с проявлениями дискриминации при соблюдении принципов научной объективности, непредвзятости и соблюдения ассиметричности в отношениях с клиентами прослеживается и в исследованиях по зарубежной социальной работе на нынешнем этапе ее развития. При этом каждый раз в них как бы заново ставится вопрос о необходимости отстаивать комплексность социальной политики, ориентирующейся в первую очередь на индивидуальную поддержку тех, кто особенно в этом нуждается (Ф. Вильямс, Т. Шанин). Появившись за рубежом в самые первые годы XX века, западная социальная работа в своем современном виде и состоянии оказывается результатом синтеза самых разных представлений, включающих в себя и столь же разные, формирующиеся на основе меняющихся и развивающихся совокупностей знаний, формы эмпирической практики. Развитие социальной работы за рубежом начиналось с обществ милосердия, получивших название «ассоциаций помощи семьям», и продолжалось в рамках движения за психическую гигиену, в которое свою лепту внесли психиатры и сторонники психоанализа З. Фрейда, сделавшие акцент на психический диагноз и психологическое лечение (Э. Саутхард, М. Джаррет). Миновав противоборство между «внутренним» и «внешним» подходами, зарубежная социальная работа заняла сторону социальной терапии, сумевшей понять поведение человека в терминах его взаимосвязей с окружающим миром, а не одной внутренней сущности (Н. Аккерман М. Боуэн, С. Минухен, К. Левин). В конце концов, она вышла на экосистемы и постмодернистские подходы, абсолютную ценность в которых приобрел клиент, его запросы и проблемы, а главной целью стали стратегии и тактики его независимого существования в обществе, вырабатываемые в процессе сотрудничества со специалистом (Ф.Холлис, Г. Барлет Г. Гольдстейн, А. Пинкус, А. Минахен, М. Сипорин). Сегодня практика социальной работы рассматривается в качестве способа изменения среды, социальных отношений и ситуации жизнедеятельности клиента, а лейтмотивом стало сделанное еще в 30-х гг. прошлого века предупреждение М. Ричмонд, что все достигнутые результаты в работе с отдельными клиентами могут свестись на нет, если не будет приниматься во внимание семья.

Синтезируя знания применительно к социальной защите населения, российская теория социальной работы постепенно вырабатывает собственные принципы и закономерности, важнейшие из которых – детерминизм, гносеогический личностный, сознательный, деятельностный подходы (В.И. Жуков, Г.И. Климантова, А.И. Ковалева, М.С

Калабихина). Попытки теоретического осмысления социальной работы как социального феномена, предпринимаются параллельно с проблемой ее становления как новой профессиональной деятельности. Квалификация складывающихся за последние десятилетия исследовательских школ в области социальной работы была осуществлена Е.И. Холостовой. В публикациях В.И. Жукова рассматривается роль социальной политики как основы социальной работы. О методологической базе социальной работы много говорит Л.Г. Гусякова. Проблемы ее интегративного содержания и роли социологии в развитии теории социальной работы исследует П.Д. Павленок. С.И. Григорьев считает областью познания социальной работы изучение механизмов реализации жизненных сил и социальной субъектности индивида и группы и средств их реализации в разных социальных ситуациях. Историю становления и развития теории социальной работы в России и за рубежом изучает М.В. Фирсов.

Вместе с тем, по мнению отечественных ученых, конституирование российской социальной работы как социального института и социального явления находится до сих пор в стадии становления. Значительная часть ее теорий, импортируясь в нашу страну из-за рубежа, представляет собой описание уже сложившейся практики профессиональной деятельности (В.А. Никитин). В основном, российские социологи изучают проблемы социальной работы с точки зрения институционализации ее практики и области познания проблемных полей (А.А. Козлов, М.В. Фирсов, В.А. Никитин, А.И. Холостова, Г.И. Осадчая, П.Д. Павленок, А.С. Сорвина, Е.Р. Ярская-Смирнова).

При этом, не смотря на то что человека можно понять и оказать ему помощь только в контексте ближайших систем, частью которых он является, в российской социальной работе так и не сложилась деятельность, касающаяся семьи и решения ее социальных проблем. Как единый предмет интереса российские семьи не представлены и в теории социальной работы. Особенно это касается тех, кто оказался в состоянии социального исключения. В целом недостаточно активна и социальная политика в отношении семьи. Функции ее системно не включены в деятельность органов государственной власти. В текущей работе министерств и ведомств под семейной политикой понимается, как правило, совокупность социальных мер, влияющих на жизнедеятельность отдельно семьи, детей, женщин (С.В. Дармодехин). Отечественные теоретики и практики также сосредотачиваются, как правило, на проблемах указанных категорий населения.. Даже в учреждениях, призванных по определению заниматься проблемами семей (они так и называются - «центры социальной помощи семье и детям»), главные цели достигаются при работе с ее отдельными членами (Б.Ю Шапиро, А.З. Шапиро). Если соответствующее видение все-таки происходит, то в основном за счет конкретных типов семей, заранее выделяемых в особую группу, принадлежность к которой гарантирует на государственном уровне пусть небольшое, но систематическое содержание, не предполагающее никакой социальной отдачи - «неполная», «многодетная», «молодая», «неблагополучная», «малоимущая» семьи.

Сложившиеся научные предпосылки и тенденции развития теорий и практики социальной работы с семьями, оказавшимися в состоянии социального исключения, актуальность, острота и недостаточная разработанность данной проблемы определили выбор темы диссертационной работы – «Институционализация социального патроната семей в условиях современной России»

Объект исследования – институт социального патроната семей.

Предмет исследования – особенности институционализации социального патроната семей, оказавшихся в состоянии социального исключения в условиях современной России.

Цель исследования – разработка концептуальных основ институционализации социального патроната семей, оказавшихся в состоянии социального исключения.

Задачи исследования:

- теоретически осмыслить подходы отечественных и зарубежных социологических исследований, значимых для построения концепции институционализации социального патроната семей, его генезиса, этапов становления.
- сформулировать концепцию институционализации социального патроната семей, оказавшихся в состоянии социального исключения, его научный аппарат, базовые принципы
- провести анализ практики институционализации социального патроната семей, оказавшихся в состоянии социального исключения

· обосновать востребованность и необходимость социального патроната, расширяющего возможности социальной работы с семьями, оказавшимися в состоянии социального исключения, перспективы и пути развития его как социального института.

Гипотеза исследования. Институционализация социального патроната семей, оказавшихся в состоянии социального исключения, становится возможной:

В

- при переводе несистематизированных, упрощенных отдельных актов поведения в устойчивые и постоянно воспроизводящиеся формы, благодаря которым формируется его нормативный порядок, т.е. правила и взаимные ожидания социальных работников, рассматриваемые как актуализация их прав и исполнение обязанностей;

- при образовании стандартизированных элементов «запасов знаний», на которые ориентируются социальные работники при взаимодействии и обмене значениями - как ситуативном взаимодействии их «запасов знаний», благодаря которому происходит выработка на основе применения каждым из социальных работников своих новых значений (знаний);

- при наличии у социальных работников способности приводить в действие свои решения и одновременно реализовывать институциональные практики ;

- при упорядочивании и укреплении взаимодействия в процессе проведения патроната между индивидами, коллективными образованиями, социальными системами, их взаимном обмене отношениями автономии/зависимости в расширенных пространственно-временных рамках.

Теоретико-методологическую базу исследования составили: диалектический подход к анализу становления и развития института социального патроната семей как сложной целостной структуры, осмысливаемой в ее взаимосвязях с современным российским обществом. Общесоциологическими принципами исследования стали изменчивость, развитие, всеобщие связи, диалектическое единство анализа и синтеза, объективность, системность, историзм, детерминизм.

Теоретическую базу работы обеспечивали труды вышеназванных отечественных и зарубежных ученых, заложивших фундаментальные основы общесоциологических теорий становления и развития общества, его институтов, практик, современных концепций институционализации и социологии социальной работы с семьей.

При разработке концептуальных основ исследования социального патронажа семей как социальной реальности большое значение имело и такое направление, как теория социальных проблем в рамках социально-конструктивистского подхода. Это направление наиболее полно раскрыто в концепции социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, базирующейся на феноменологической социологии А. Шютца, этнометодологии Г. Гарфинкеля, теории символического интеракционизма Ч. Кули, Г. Мида.

Автор опирался также на концепции и положения К.Маркса о производстве жизненных средств и жизненных сил, теории социальных действий и понимающей социологии М. Вебера, социальной дезинтеграции - интеграции и поддерживающей роли процессов взаимодействия Т. Парсонса; социальной структуры и культурной травмы (П.Штомпка), социального неравенства как обязательной части любой системы и способах его преодоления П. А. Сорокина, социальных проблем как коллективного поведения Г. Блумера, историзма социальных практик М. Фуко, критической (контекстуальной) социальной теорией, заложенной в трудах Т. Адорно, А. Лефевра, А. Турена, Ю. Хабермаса, М. Хоркхаймера, Л. Виттгенштейна, П. Бурдьё, М. Поланьи.

Общетеоретическая база диссертации определена с учетом междисциплинарного характера исследований в области социальной работы (Т. Шанин, Э.А. Орлова, Т.М. Дридзе, Е.И. Холостова, Г.И. Осадчая, С.И. Григорьев), роли субъективных факторов в высокоактивной стадии социальной трансформации современной России, формирующей определенные параметры в измерении проблематизации социального исключения семьи (В.А. Ядов, Т.И. Заславская, Н.М. Римашевская), социального настроения (Ж.Т. Тощенко), социальной траектории реформируемой России (Т.И. Заславская), скорости и биполярности в направлении социального расслоения (М.Н. Руткевич); кумулятивного характера социальных процессов и накоплении их под влиянием преимуществ и деприваций в разных сферах общественной жизни (Е.С. Балабанова). Маргинализация российского общества и социальной изоляции больших социальных групп рассматривалась в контексте исследований как отечественных социологов (З.Т. Голенкова, И.П. Попова, А.А. Иудин, А.А. Овсянников), так и зарубежных (Р. Парк, Э.

Стоунквист).

В основу исследования заложены принципы герменевтического, историко-ретроспективного, феноменологического, этнометодологического подходов.

Методологию исследования определили и теоретические положения и эмпирические обобщения социологов, решающих вопросы социальной и семейной политики (С.В. Дармодехин), преодоления диспропорций и неравенства с ориентацией на опыт высокоразвитых стран (В.О. Рукавишников, В.Л. Иноземцев).

Методы исследования предполагали сочетание качественных и количественных социологических методик – анализ статистических данных и массового выборочного опроса и традиционный анализ документов, анализ дискурса, включенное наблюдение, содержательный анализ текстов, изучение отдельных случаев семейной жизни (кэй-стадий) - как источников выявления определенных закономерностей в отношениях семьи и государства; изучение теории и практики зарубежной и отечественной социальной работы (М. Ричмонд, А Пинкус, Н. Аккерман, Н. Хоффман, Ф.Холлис, .Х. Перльман; Е.И. Холостова, С.И. Григорьев, М.В Фирсов, П. Д. Павленок).

Эмпирическую база диссертации складывалась:

· из блока социологических исследований, выполненных при непосредственном участии диссертанта в Государственном НИИ семьи и воспитания, в том числе:

«Семья и общество» (1994 г.) и «Семья и общество» (2006 г.) Проведены по репрезентативной выборке сети ВЦИОМ. Опрошено в разные годы по 1187 родителей, имеющих несовершеннолетних детей – проведение экспертных опросов, анкетирование, интервью, выявляющие отношения семьи и социальной работы, удовлетворенность ею, характера оказываемых и получаемых услуг, особенно касающихся представителей неблагополучных семей – клиентов патроната..

«Семья» (1999 г.). Проведено в Ханты-Мансийском автономном округе по целевой

выборке. Опрошено 725 человек – анкетные опросы членов семей.;

«Детская беспризорность и безнадзорность в Российской Федерации: состояние и причины, направления решения проблем» (2006 г.) – анализ номенклатуры и содержания нормативных документов, их классификация, содержательная интерпретация выявленные границы зоны нормативного влияния на происходящие в социуме события.

«Разработка социальной модели интеграции и адаптации несовершеннолетних, оказавшихся в трудной жизненной ситуации» (2006.). – анализ статистики, документов, анкетные опросы подростков, их родителей, социальных работников.

Мониторинг проблем семьи в законодательстве России (1995, 1998) – анализ нормативных актов, их интерпретация.

Мониторинг проблем семьи и семейной политики в печатных средствах массовой информации (1998-2000) - контент-анализ частотных характеристик публикаций о членах семей с детьми, оказавшимися в социально опасном положении с их последующей интерпретацией.

· из блока развернутых социологических исследований, выполненных диссертантом с использованием комплекса социологических методов, адекватных природе изучаемого в диссертации явления – социального патроната семей, которые включали анкетные опросы, качественные структурированные интервью с членами семей – получателями социальной помощи, с которыми проводится патронат; углубленные интервью со специалистами – представителями региональных органов социальной защиты населения и учреждений социального обслуживания семьи и детей; исследовательская работа организовывалась в три этапа, начиная с 1995 по 2006 гг., и охватывала широкий круг вопросов формирования и реализации государственной политики в сфере социальной защиты и социального обслуживания (социальная помощь и социальная поддержка) различных типов семей с детьми, социальная работа и социальный патронат (подробное описание дается в Приложении диссертации);

· из монографического поэтапного исследования (extended-studies), основывающегося на

изучении различных сторон жизни конкретного территориального сообщества - райцентра Макарьев, Костромская область и конкретной сельской местности – экспертные интервью, сбор статистики, наблюдения; составление биографий, повторные опросы

· из участия в разработке и реализации Президентской программы «Дети России» (подпрограмма «Научно-методическое обеспечение деятельности учреждений социального обслуживания семьи и детей»), Федеральных целевых программах «Развитие социального обслуживания семьи и детей» (1994 – 2004 г.г.), «Профилактика правонарушений и безнадзорности несовершеннолетни» (1995 – 2004 г.г.) - разработка научных основ и научно-методических рекомендаций, блока нормативных документов по обеспечению деятельности учреждений психологической и социальной помощи семье и детям;

· из участие в программе «Разработка стандартов социального обслуживания населения РФ» - блок стандартов социальных услуг населению;

Научная новизна и теоретическая значимость исследования

Разработана авторская социологическая концепция, впервые определяющая новое качество социального патронажа семей, оказавшихся в состоянии социального исключения как социологической категории и системного, структурно-функционального образования.

В рамках концепции выявлены научные подходы к институционализации социального патронажа семей, оказавшихся в состоянии социального исключения, элементами или свойствами которых являются легитимация, сигнификация, ресурсы, наличие которых предполагает возможность преднамеренного вмешательства в ход событий, происходящих в семье и окружающей ее социальной среде, и принципы, на которых такое вмешательство становится возможным.

Концепция раскрывает новое социологическое содержание института социального патронажа семей, оказавшихся в состоянии социального исключения.

В рамках концепции обосновываются оригинальные научные подходы к институту социального патроната - как стабильного элемента социальной жизни и социальной практики, локализованного в пространстве и повторяющегося во времени. Тем самым, пространственно-временные отношения выступают в качестве фундамента и фактора производства и воспроизводства института социального патроната. Периодичность его существования как социального и исторического феномена, постоянно усложняющегося и развивающегося в этих направлениях, зависит от типа культур и цивилизаций, различающихся спецификой содержания, форм, средств и результатов...

Концепция подчеркивает ключевую роль в организации социального патроната как одной из социальных систем значение его повседневных практик, направленных на преодоление социальной изоляции семей при постоянной перестройке стандартов поведения его социальных акторов в зависимости от конкретной ситуации семьи-клиента и условий собственной повседневной социальной деятельности.

В рамках концепции выстраивается теоретическая модель динамики социального патроната семей, в которой в качестве ее ядра представлены последовательные, закономерно вытекающие одна из другой стадии – как необходимые и достаточные элементы социально значимых воздействий (стратегий их «опредмечивания») на ситуацию социального исключения и на состояние семьи в данной ситуации.

Прослеживая парадигмальное единство социальной работы и социального патроната диссертант высказывает идею о них как о «фоновых» практиках, воспринимаемых в виде «фигур» на фоне той или иной социологической теории: медицинской модели социальной работы на фоне социологической теории исключения; активной социальной работы на фоне социологической теории социальной активности; социального патроната семей, оказавшихся в состоянии социального исключения, на фоне контекстуального (критического) социологического подхода, предполагающего, что ситуация социального исключения, в которой оказываются семьи как его объекты, должна исследоваться в контексте общества, его структуры, истории и ценностей, с применением концептуального и методологического инструментария социологии.

Важнейшим теоретико-методологическим элементом при разработке концепции социального патроната в диссертации стало понятие «социальное исключение семей с детьми», расцениваемое как «нежелательная» социальная ситуация и актуальная социальная проблема, которую, если признавать права человека (семей, детей) и

возможность социального вмешательства в эту сферу повседневной жизни в случае их нарушения, нужно изменять. В этой связи поставлен вопрос о необходимости проблематизации «социального исключения семей с детьми» на уровне государства и с учетом признания Российской Федерацией международных договорных отношений в сфере защиты прав человека и прав ребенка, в особенности в той их части, которая касается их права жить и воспитываться в семье.

Разработанный автором понятийно-категориальный аппарат концепции социального патроната включает в себя трактовку новых, касающихся непосредственно исследуемой реальности понятий и раскрывающих ее специфику. В первую очередь - «социальное исключение», «институт социального патроната семей», «семья в состоянии социального исключения», «динамика социального патроната», «управление социальным патронатом», «коммуницирование в контексте социального патроната», «социальное участие семей при проведении социального патроната».

Проведенное исследование позволило сформулировать основные **положения, выносимые на защиту**

:

1. Социальный патронат – исторически устойчивая, но постоянно воспроизводящаяся (реконструирующаяся) во времени и пространстве форма социальных отношений и социальных действий. На более ранних этапах общественного развития она была представлена спонтанными архетипическими и донаучными практиками помощи и поддержки, способствующими по мере создания условий для организации усилий по локализации социальных проблем самоорганизации общественных институций, формулирующих основные постулаты теории общественного призрения и их соответствие с положениями, принятыми в юридических, исторических и философских науках. Как феномен и явление социальной жизни, социальный патронат совершенствовался в контексте социокультурного, социально-политического и социально-экономического развития общества на основе оформления государственных моделей солидарности и защиты индивидуальных и коллективных ценностей, плюрализации групп интересов различных слоев населения, а также концепций социальной работы, разрабатываемых западной цивилизацией.

2.. Социологическим содержанием социальный патронат наполняется, когда определены типы его составных элементов (частей) как социальной организации и социальной структуры, их связь между собой. В этом смысле социальный патронат выступает категорией объяснительной, абстрактной, не имеющей прямо и

непосредственно наблюдаемых соотношений и определяющейся как сложная целостность (система), представленная в таких измерениях, как нормативное, идеальное, интеракционное и стратификационное, тесно взаимосвязанных и интегрирующихся друг с другом непосредственно в деятельности его специалистов.

3. Как разновидность социальной деятельности, социальный патронат формируется и реализуется на моносубъектной основе, будь то уровень отдельной социальной службы, общества или государства. Предметом его становится ситуация социального исключения, сквозь призму которой прослеживается проходящая «через семью» связь ее состояний с параметрами социальной среды, в рамках которой реализуется жизнедеятельность и присущие ей способы взаимодействия с окружающими. Субъектами патроната могут быть специалисты – психологи, социальные работники, педагоги, работающие в государственных, общественных, религиозных, коммерческих структурах, чья деятельность направлена на преодоление социального исключения семей с детьми, повышение их социальной компетентности. Объекты социального патроната – семьи, оказавшиеся в состоянии социального исключения. Главной целью его применения является восстановление интеграции семьи в общество, ее социального благополучия в их концентрированном выражении; содействие семье как объекту патроната в развитии ее собственной социальной активности и многообразия духовной и «психологической» жизни; взаимная деятельностная активность, при которой и сама семья старается разрешать задачи, имеющие к ней непосредственное отношение, и социальный патронат занимает активную по отношению к семье позицию.

4. Понимание особенностей социального патроната основано на социологической по существу концепции природы «состояние (или ситуация) социального исключения», как социального отклонения. Само это понятие не тождественно, а потому и не сводится к употребляемому при обозначении социальных противоречий, играющих ведущую роль в становлении социальной работы - «трудная жизненная ситуация». Последняя возникает при нарушении упорядоченности привычного течения и образа жизни и необходимости решать проблемы, требующие повышения степени целенаправленной активности, которая и создает напряжение и даже стресс из-за отсутствия нужных для этого ресурсов. В социальном исключении в качестве решающего универсального признака становится фактор непосредственной опасности, связанной с угрозами для жизни и здоровья людей (семей), и полным срывом их деятельности по решению жизненно важных проблем. Диалектика этих процессов состоит в «доведенных до крайности состояниях» (Бруно), насыщенных бурным взаимным проникновением и превращением противоположностей друг в друга (Гегель), которые закономерно влекут разрушительные изменения, в том числе, на личном и социальном уровне.

5. Феномен «социального исключения семей» определяется в диссертации как процесс

их отторжения от основных средств жизнеобеспечения. Он осуществляется в тесной связи с депрессивной экономикой большого числа российских регионов, особенно, сельскохозяйственных, множественностью социальных и семейных проблем, накоплением подобно снежному кому взаимопорождающих негативных обстоятельств, сочетающихся со старыми методами борьбы с бедностью исключительно средствами ограниченной государственной поддержки. Вместе эти факторы образуют тот значимый социальный контекст, в котором семья начинает вырабатывать а) стратегии совладания с трудностями в виде частной обороны домохозяйства от рыночного произвола, смещающей центр ее активности в плоскость сетевого обмена и домашнего хозяйствования, не ослабляемых средствами социальной защиты, или б) противоправное, в том числе «порочное», поведение. Со стороны общества и тот, и другой тип семей стигматизируются в понятиях «приличной» и «неприличной» бедности. В первом случае стигматизация способствует «выпадению» семьи из состоятельного образа жизни и ориентации на выживание «любой ценой». Во втором, как «неприличная» - алкогольной зависимости, безработице, деградации, бродяжничеству, в рамках которых ее члены освобождаются от необходимости выполнять нормы и требования общества, утрачивают готовность следовать им.

6. В рамках существующих теоретических и методологических традиций «социальное исключение семей с детьми» рассматривается в настоящее время на уровне индивидуальных характеристик их членов - как представителей «неблагополучных семей», а также на микроуровне оценки негативной семейной обстановки. Российская социальная работа на такие семьи не ориентирована. При совершении противоправных действий разной степени тяжести (пренебрежение нуждами детей, жестокое обращение с женщинами, антиобщественное поведение) семьи подвергаются социальным санкциям, приватная же сфера их жизни объявляется областью общественного порицания. Семейная политика и социальная работа отдают при этом приоритеты защите интересов не семьи в целом, а только детей. Этот достаточно очевидный факт наглядно представлен процессом социальной проблематизации тех типов отклоняющегося поведения взрослых членов семей, которые чаще всего возникают в связи с плохим обращением с детьми, лишением родительских прав, дальнейшим жизнеустройством детей в закрытые государственные учреждения.

7. Исследование различных сторон развития социального патронажа позволяет отнести его к поколению контекстуальных теорий практики социальной работы, содержащих указания на то, что обретаемый семьями негативный опыт в равной степени определяется, как их биологическими факторами и индивидуальными особенностями, так и социальными и экономическими. Принципиально важным для контекстуального подхода, является принятие положения о том, что «социальное исключение семей с детьми» должно исследоваться в контексте общества, особенностях его структуры, ценностей, истории, требующих применения

методологического инструментария социологии. В ситуации исключения семьи сталкиваются с двойными рисками – предубеждениями по отношению к себе по причине слабой социальной состоятельности и индентификации себя и своего социального статуса как бесперспективного, не способного обеспечить успех и повысить жизненные шансы. Учет при проведении социального патронажа роли положения семей, их культуры, истории, опыта ведет к пониманию дифференциации, как между ними, так и обычными клиентами в терминах «условия жизни в ситуации исключения» Это обстоятельство позволяет менять отношение к таким семьям со стороны института социальной работы, перенося акцент с разрозненных и в основном узких и специализированных практик, наиболее полно представленных социальным обслуживанием, на единый (холистский), унитарный и «генералистский» подход

8. Российское общество в целом спокойно и снисходительно-оправдательно относится к такой значимой социальной проблеме, как социальное исключение большого числа семей с детьми. В нем отсутствует и какая-либо тревога по поводу существования данной проблемы. Причин для этого много. Основные - социальная поляризация по доходу и уровню жизни населения; расширение в десятки раз разрыва между богатыми и бедными; непонимание политической элитой необходимости заботиться о повышении благосостояния народа, не прибегая к формулам типа «главное – это обеспечение экономического роста, а остальное подождет, им займемся потом», в контексте которого ответственность за преодоление социального исключения возлагается на самих «исключенных», ассоциируясь с попытками привилегированных групп оправдать свой эгоизм ссылками на законы экономики и логику эффективного управления ею. Все это легитимирует и актуализирует политику сегрегации, отделяющую такие семьи от остального общества и формирующую условия для их «структурной зависимости».

9. Современный взгляд на проблему социального исключения семей с детьми, сформировавшийся в рамках гуманистической концепции прав человека вообще и отдельно прав ребенка, в ряду которых важнейшим является право всех детей жить и воспитываться в семье, во второй половине XX века определяется международным сообществом как нарушение их прав. В рамках этих концепций важной основой человеческого сосуществования признаются не разделение людей по социальному и имущественному признакам, а альтруизм, коллективная солидарность, общность интересов, рождающие спонтанный внесударственный коллективизм. Признание Российской Федерацией международных договорных отношений в сфере защиты прав человека на полноценную жизнь в обществе и детей в родительской семье предполагает взятие на себя обязательств по ликвидации социальных условий, в которых демонстрируется пренебрежение общества к тем, кто функционально не соответствует его желаниям и потребностям.

10. Рассмотрение ситуации социального исключения семей и детей в качестве значимой социальной проблемы и использование социального патронажа как одного из инструментов по его преодолению может стать показателем того, что общество воспринимает данное явление на макроуровне как деструктивное и потому проявляет готовность к выполнению целого ряда методологических и методических функций: по выявлению уровня социальной значимости проблемы социального исключения семей с детьми; обеспечению интегративного и целостного восприятия этого процесса как актуального и значимого для решения вопросов государственной, общественной и индивидуальной безопасности; прослеживания эффективности функционирования системы социальной защиты населения и реализации социальной работы с семьей; определения основных направлений стратегий формирования национальных механизмов противодействия процессам социального исключению семей с детьми.

Достоверность полученных результатов обеспечены разработкой обоснованной целостной концепции и условий ее реализации на методологическом, теоретическом и прикладном уровнях; использованием междисциплинарной научно-теоретической базы исследования, взаимосвязанного комплекса теоретических и эмпирических методов познания; применением широкого арсенала методов исследования, длительным характером и возможностью повторения модельного эксперимента, репрезентативностью объема выборки и статистической значимостью опытных данных, преемственностью и взаимосвязанностью результатов, полученных на разных этапах научного исследования.

Практическая значимость исследования связана с разработкой авторской концепции социального патронажа семей, попавших в социально опасную ситуацию, как результата научного осмысления формирующегося в стране опыта социальной работы с семьей. изучения опыта социальной работы непосредственно в ФРГ в рамках программы ТАСИС «Подготовка социальных консультантов» (1995 г.); работа в качестве научного руководителя первого общественного Центра социальной работы «Братеево» г. Москвы (1992-1994 гг.), научного консультанта и руководителя целого ряда государственных учреждений и общественных организаций, осуществляющих социальную работу с семьей и детьми (Областной центр психолого-педагогической помощи населению г. Перми и Областной центр социальной помощи семье и детям г. Калининград; центр социально-психологической помощи населению г. Клин Московской области; муниципальный центр «Семья» г. Сергиев Посад Московской области; республиканский центр психолого-педагогической помощи «Зеркало» г. Казани, общественная благотворительная организация «Инициатива добрых дел» микрорайона Чертаново-Северное г. Москва), эксперта Национального фонда защиты детей от жестокого обращения (NFPCC), члена редколлегии «Отечественного журнала социальной работы» Межрегиональной общественной организации «Ассоциация работников социальных служб».

Полученные диссертантом результаты теоретического и научно-методического характера последовательно и повсеместно внедряются в различные сферы практической социальной работы с семьей в России благодаря : а) принятию нормативных документов, регламентирующих и регулирующих деятельность учреждений фактически всех типов социального обслуживания семьи и детей, в разработке которых автор принимала участие непосредственно, самым активным образом; б) использованию в практике социальной работы с семьей целого блока изданных автором диссертации научно-методических рекомендаций, обеспечивающих деятельность создаваемых в стране учреждений, а именно - экстренной психологической помощи по телефону доверия; психолого-педагогической помощи; центров социальной помощи семье и детям; кризисных центров и социальных гостиниц; в) созданию концепции социального патронажа семей, внедряемой в практику в качестве технологии социальной работы с семьями, оказавшимися в состоянии социальной изоляции. Концепция уже сегодня способствует изменению складывающейся практики, зачастую игнорирующей семью как объект непосредственного воздействия и переключающей все свое внимание на социальную поддержку других категорий социальной политики и социальной защиты. Ее основные положения принимаются во внимание при моделировании социально-управленческих действий на среднесрочную перспективу и прогнозирование их результатов, а также при разработке среднесрочных планов и программ социальной политики в области проблем семьи и детства, в том числе, в социальной законотворческой деятельности федеральных и региональных органов власти. Материалы диссертационного исследования и его результаты используются при подготовке учебных программ и курсов социологии семьи, социальной психологии, социальной работы.

8. Апробация и внедрение результатов исследования. Теоретические и практико-ориентированные разработки, подготовленные в ходе научно-экспериментальной работы, проходили апробацию и внедрение в процессе профессиональной деятельности диссертанта в качестве руководителя лаборатории социальной работы с семьей и детьми ГосНИИ семьи и воспитания, участия в подготовке авторских и коллективных монографий, научно-методических пособий, связанных с обеспечением деятельности учреждений социального обслуживания семьи и детей на территории РФ, принятии на федеральном и региональном уровнях нормативных документов по обеспечению вышеуказанной деятельности, автором которых был диссертант, публикации статей в реферативных и специализированных журналах.

Основные положения и выводы диссертации были представлены на научных и научно-практических, в том числе, международных, всероссийских, региональных и городских форумах, симпозиумах, конференциях, на научно-практических

конференциях, в том числе, социологических а также организованных Ассоциацией работников социальных служб, на обучающих семинарах (городов Москва, Казань, Калининград, Пермь, Сургут, С-Петербург, Тюмень), в лекциях для работников управления сферы социального обслуживания и социальной защиты населения, на курсах повышения квалификации, практических занятиях со специалистами по социальной работе, на заседаниях ученого совета Государственного НИИ семьи и воспитания. Они опубликованы в научных журналах «Социологические исследования», «Семья в России», «Российский журнал социальной работы», «Отечественный журнал социальной работы», «СОТИС», «Директор школы», «Российской энциклопедии социальной работы» и т.д. Апробация концептуальных положений исследования осуществлялась через их использование в научно-исследовательских проектах ГосНИИ семьи и воспитания (Национальный план действий в интересах детей Российской Федерации, докладах «О положении семей в Российской Федерации», проекте Национального доклада о выполнении Конвенции о правах ребенка, Мониторинг социально-экономического потенциала семьи, Предложения по совершенствованию системы социального обслуживания семей с детьми в Российской Федерации, Концепции социальной и психологической помощи детям и семьям, пострадавшим от террористического акта в г. Беслане, и т.д.) . Авторские разработки в области социальной работы и социального патронажа семей находят применение в процессах повышения квалификации работников социальной сферы практически всех регионов России. Содержание работы отражено в 2 авторских монографиях, 13 коллективных монографиях, 30 научно-методических и 2 учебных пособиях, 8 статьях реферируемых научных изданиях, рекомендуемых ВАК Минобразования РФ, 20 статьях специализированных изданий. Общий объем научных публикаций составил более 200 п.л.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, включающих двенадцать параграфов, заключения, списка используемой литературы, приложений

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность исследования, характеризуется степень разработанности его темы в современной социологии, определяются объект, предмет, формулируется проблема, ставится цель, намечаются задачи, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертационной работы, положения, выносимые на защиту.

Первая глава - «Социальный патронаж семей в системе социальной работы: взаимодействие социологических теорий и социальной практики»

выявляет повторяющиеся и объективно обусловленные связи социальной работы с сущностными явлениями и процессами, протекающими в обществе, концептуализирует понятие «социальное исключение», определяет роль акторов и агентов, которые, вмешиваясь или воздерживаясь от вмешательства в развитие социальных процессов, влияют на характер институционализации социальной работы

Первый параграф - «Социологические основы исследования социальной работы с семей» обосновывает специфику авторского концептуального подхода, рассматривающего институционализацию социальной работы под углом зрения задач выживания общества. Диссертант подчеркивает, что в социологии интерес к указанной проблеме традиционно сосредотачивался на вопросах социального сосуществования, преодоления социального неравенства, соблюдения прав человека, звучавшего на языке этики И. Канта так, что каждый «должен рассматриваться не как средство, а как цель». Показано, что эти проблемы с самого начала ставились в рамках структурного функционализма, перекликавшегося с идеями О. Конта, Ф. Тенниса, Парка, Э. Дюркгейма, Н. Лумана, Р. Мертона, П.А. Сорокина и подкреплялись изучением процессов образования групп и противоположности классов, а также реосмысления роли социальной политики в общественном развитии. Т. Парсонс определял равновесие системы и воздействующих на нее сил состоянием интегрированности, стабильности и социального порядка, обеспечивающихся за счет выполнения тех «явных» функций, которые планируются и осознаются участниками системы в качестве сознательных субъективных намерений. Такие намерения приближают систему к однородности и делают ее адекватно функционирующей, осуществляющей идеалы социального равенства, демонстрирующих, что общество стабильно и в нем отсутствуют ярко выраженные социальные противоречия (Г.В. Осипов).

Отклоняющееся от общепринятых норм поведение Т. Парсонс называл формой болезни («эндемией»), которая нарушает внутреннюю гармонию социального организма и требует лечения силами социального контроля и принудительного санкционирования. Эту функцию берет на себя класс институтов, организующихся вокруг «терапевтических» процессов с их обобщенной способностью влиять и убеждать, а объяснительной базой для которой служит теория З. Фрейда и социальный бихевиоризм, анализирующие внутренние процессы помощи и поддержки. Психиатрия, тем самым, оказалась детерминирующей парадигмой ситуаций жизненного мира подвергавшихся «лечению» людей, в котором доминирующую роль выполняла концепция «интервенции». Таким образом, была задана выраженная еще Вольтером, Монтескье,

Гольбахом, Руссо, Мирабо идеология «благословления всемогущего вмешательства государства в жизнь населения», его права формировать эту жизнь по заранее предложенной модели. Возможности ее расширялись благодаря включению, помимо морального и гражданского, «социального аспекта», в рамках которого власти обеспечивают некий доступ к экономическим ресурсам - минимум благосостояния населения через постоянный подъем прожиточного минимума, и на основе этого - «подтягивание» экономического положения разных социальных слоев. Именно силами институтов, образуемых вокруг мероприятий по борьбе с безработицей, предоставления пособий, обеспечения образования и здравоохранения, государство нейтрализует социальные конфликты и избавляет общество от «социалистической заразы», идеология которой в итоге получает поддержку столь малозначительную, что перестает влиять на состояние социальной системы (П.А. Сорокин). Речь фактически шла об усмирении с помощью сосредоточенных вокруг терапевтических процессов институтов центробежных тенденций с помощью технологий, опирающихся на сокрушительную эффективность повышающегося жизненного стандарта, благодаря которому «рабы развитой цивилизации превращаются в рабов сублимированных» (Г. Маркузе).

Сложившееся в 50-х гг. феноменологическое направление, получившее распространение в 60-70- гг. XX столетия, стало рассматривать социальную реальность уже не как продукт функционирования систем, а как результат целенаправленной и осмысленной человеческой деятельности, позволяющей отождествлять общество с представлениями о нем. Феноменология сосредоточила внимание на выявлении универсальных структур понимания и объяснения социальных явлений и процессов, обнаруживающихся в процессе социального взаимодействия, благодаря чему в «научном обороте» прочно обосновались теории «понимания» и взаимно сориентированных действий, влияющих на шансы появления конкретных интеракций между людьми (Г. Зиммель); «социального действия» М.Вебера и «интерсубъективного» мира повседневной жизни, разделяемой с другими, А. Шютца; этнометодология

Г. Гарфинкеля и близкая к ней социология А. Сикурелла. Темой первостепенного внимания сделался мир человеческих переживаний и выявление того, как люди благодаря способности убеждать друг друга в его существовании, поддерживают социальный порядок. Социальная реальность в этой связи предстала перед людьми как субъектами действий существовавшим и ранее, до них, интерсубъективным миром. В свою очередь социология знаний П. Бергера и Т. Лукмана, символического интеракционизма Дж.Г. Мида, диалога как средства понимания другого в его конкретной, в том числе, проблемной ситуации Л. Хабермаса, способствовали смещению ее традиционного предмета в направлении к современным гуманистическим, антропоцентрическим и экоантропоцентрическим, рассматривающим ресурсом и носителем социального капитала личность. Общественное бытие, таким образом, получало форму, в которой единство индивидов обеспечивается на основе

пересекающихся и совпадающих интересов, понимания и «вхождения» в души друг друга, т.е. актов трансцендирования за собственные пределы (М. Шелер, А. Гарфинкель, А Шютц).

Понимающая и феноменологическая социологии позволили сформировать взгляд и на социальную работу - не как на одного из «щупальцев гигантского спрута», т.е. «государства», единственной заботой которого является рационализация деятельности при минимизации затрат, а как носителя собственного знания, идеалов, мотивов и установок, обеспечивающих методический плюрализм в подходах к проблемам клиентов, что помогло переосмысливать и используемые ею модели.

Структурный функционализм, превозносивший роль социальных объектов (институтов) как независимой ни от чего социальной тотальности, как и понимающая социология, акцентировавшая внимание на действиях социальных субъектов и доминировании отдельного индивидуума, в качестве окончательных объяснений проблемных ситуаций, продолжали считать существующие структуры и потому, объясняя их действия, не пытались и не могли понять, почему сами структуры постоянно изменяются, т.е. становятся иными, оставаясь при этом в определенном смысле теми же. В отличие от них теория структуризации Э. Гидденса поставила в центр внимания способности деятеля (актера) к познанию и преобразованию, и тем самым помогла понять механизмы социальных изменений в современном обществе, которое само, как и его жизнь, создается социальными акторами, постоянно воспроизводящими их теми же средствами, что и себя - благодаря осуществлению всякого рода взаимодействий. Обратившись к анализу генезиса М. Вебером капитализма как наиболее обширной структуры современного мира, а также к тем «активистским» линиям в творчестве К. Маркса, которые акцентировали создание социально-исторических структур, Э. Гидденс увидел их конечный источник именно в практических действиях людей. Тем самым, направление объяснений существования общества, как и поиск опосредующих социальных механизмов и процессов человеческого поведения, стало как бы диаметрально противоположным – не от структур к действиям (структурная детерминация), а от человеческих действий - к созданию структур. Теория структуризации и связанные с ней концепции, в первую очередь, «активно действующего субъекта», «институционального порядка», «системной интеграции как взаимодействия между агентами и их взаимный обмен отношениями автономии/зависимости» во многом объясняют механизмы становления и развития института социального патроната семьей и помогают упорядочивать его понятийный и концептуальный аппарат.

Второй параграф - «Теория социального исключения и социальная работа» - посвящен рассмотрению первой в ряду теорий практики

социальной работы-- - ее медицинской модели, фоном для которой служит теория социального исключения, истоки которой обнаруживаются в теории классов К. Маркса и теории стратификации М. Вебера. В диссертации дается определение понятия «социальное исключение» -

как процесса отторжения отдельных социальных групп от средств жизнеобеспечения. В качестве его эмпирических верификаций и составляющих выступают понятия «дискриминации», «дискредитация», «маргинализации», «социального дистанирования», «отчуждения», «сегрегации».

Феномен социального исключения возникает, развивается и институционализируется в каждый исторический период как форма реализации обществом своих ценностных ориентаций и культурных норм, напрямую соотносимых с государственной идеологией, общественным сознанием, экономическими реалиями и научными представлениями.

Предпринятый в свое время И. Гоффманом и М. Фуко анализ практик «исключения» людей из общества вскрыл факт его принципиального отказа от носителей «нежелательных» и «нетипичных» для него свойств. Фуко и Гоффман доказали, что такие нельзя считать чем-то данным, существующим наподобие вещей. Они, как и схемы обыденной классификации «нормальный – ненормальный» и антропологические константы типа «разумный, здоровый человек, не являются и результатами объективных, в том числе, медицинских, все объясняющих факторов, а складываются из практики их социального восприятия. Гоффман показал, что «изнутри» мир «нетипичных» и, казалось бы, «не нормальных» людей является непрерывно осмысленным и социальным (a continuously meaningful social world), а Фуко – что в истории были моменты, когда их опыт не ассоциировался ни с социальной, ни с медицинской патологией, а раз так., он всегда был и может стать другим. Фуко и Гоффман называют практики отношения к таким людям и методы вторжения в их жизнь «подвижными историческими условностями», нужными только для того, чтобы воспроизводить свою противоположность – общество «нормальных». Тем самым, чтобы вывести на первый план некоторую совокупность фоновых практик, воспроизводящих элементарные структуры общественного порядка, необходимо определенное воздержание от суждений, которые обычно выносит общественность, фиксируя отклонения от общепринятых норм. Дистанируясь от ого рода определений, Фуко и Гоффман переместили фокус своего анализа на постоянно воспроизводящие их современные способы обращения с «не нормальными», одним из проявлений которых как раз и стала медицинская модель социальной работы. Получив свое выражение в создании системы закрытых учреждений, решающих задачи «успешного» выживания и имеющих общие черты: находятся или за городом, или в местах проживания бедняков, что с одной стороны обеспечивает естественную изоляцию, с другой – достаточно спокойную обстановку для «привилегированных». В условиях таких учреждений специалисты по надзору и наказанию, а позднее – по физическому и психическому здоровью воспринимаются, как способные играть значительную роль в уменьшении социальных отклонений. Универсальность специфики подобных заведений дали основание И. Гоффману ввести понятие «тотальное учреждение». Отдельные черты и недостатки их обитателей превращаются в глобальную оценку социальных групп,

обозначенную Гоффманом как стигматизация. Последняя, констатирует их особый, обесцененный социальный статус, становится значимым механизмом отстранения из общественной системы и ее ресурсов, т.е. играет не последнюю роль в процессе исключения.

Диссертация приводит основные положения теории социального исключения – сокращение жизненного пространства, усиление индивидуальности и разобщения, принятие изоляции как должного, освобождающего от необходимости выполнять нормы и правила, принятые в обществе. Показано, что в настоящее время процесс исключения при всей значимости и масштабе пространственной сегрегации далеко не всегда локализован, и сегодня доминирует «социальная изоляция», выражающаяся в росте дистанции между бедными и остальными слоями населения. Она проявляется при выработке устойчивых правил решения материальных и социальных трудностей, вызванных отсутствием, а также сменой системы жизнеобеспечения и особым способом взаимодействия политики управления нуждаемостью со способами выживания таких людей (семей). Закладывая основу формирования постоянной и глубокой бедности, эта политика находит свое выражение, как на институциональном, так и на поведенческом, индивидуальном уровнях. На институциональном происходит формирование института изоляции несостоятельных граждан из-за того, что экономическая политика государства определяет нестратегические места работа, исключая из состоятельных тех, кто там работает, а органы социальной защиты исключают тех, кто не входит в число «достойных помощи», т.е. заранее определенный ею «контингент». На поведенческом уровне происходит выбор нуждающимися неэффективных стратегий жизнеобеспечения выживания, следствием чего становится выпадение из принятого (распространенного) хозяйственно-экономического уклада, исключение из которого закрепляет бедность (С.С. Ярошенко). Апогеем исключения становится атомизация - как потеря связей с домашней экономикой, выпадение из семьи и сетевой экономики, т.е. родственного обмена, за которыми, по определению Н.М. Римашевской, следует «всасывание» людей на «социальное дно». Тем самым, вектор социальных преобразований, как и деятельность социальных институтов, в том числе, социальной работы, конфликтует с интересами населения (семей), препятствуя формированию их самоопределения и самореализации, так как произвольно направляются в сторону ограничения прав ущемленных и депривированных социально-демографических групп

Третий параграф - «Социальная работа в контексте теории социальной активизации» посвящен второму поколению теории практики социальной работы - активной, осуществляющейся в рамках одноименной социальной теории. В ее основе - идеи М. Вебера о развитии продуктивности и рациональности реального поведения, «социальность» которого имеет субъективный смысл независимо от степени их выраженности и невозможна «вне» и «помимо» самих индивидов. В социальной работе теория активизации

используется для акцентирования внимания на активном деятеле, но с указанием на системно-структурные ограничения, а также на коррекцию различных теоретических моделей социальной реальности. Именно поэтому активизация (активность) как таковая рассматривается здесь в качестве дополнения к традиционным субъект-объектным моделям, через критику которых она и обосновалась.

Укладываясь в рамки парадигмы радикального структурализма с его материалистическим пониманием природного и социального миров и «фиксацией», по словам Г. Бурелла и Г. Моргана, на постоянных изменениях, она, по мнению П. Леонарда, С. Лукиса Д. Хоува, подразумевает «активизацию» индивидуальных и коллективных субъектов, претворяющих в жизнь свои решения и одновременно реализующих согласовывающиеся с существующими правилами и ресурсами институциональные практики, что делает реальным развитие социальной работы и ее прогресс. Привлекая внимание к социальным девиациям и патологиям, теория активизации ассоциируется с выполняющими сигнальную функцию конфликтами и соответствующими социальными действиями.

Теория активности социальной работы вплотную соотносится с теорией структуризации Э. Гидденса, согласно которой любое действие предполагает способность индивида вмешиваться в события или воздерживаться от вмешательства, что и оказывает влияние на социальный процесс. Другие теории активизации - творческого потенциала (А. Маслоу); «самоэффективность», (А. Бандура), «эффективность» как способность быть компетентным, «мотивированным» (Адлер, Э.Берн, Харрис, др.). также подчеркивают значение целого ряда ключевых, отражающих цели социальной работы с семьей понятий. Акцент при этом делается на важности преодоления отчуждения и самоотчуждения человека, выступающих аналогами концептов «формальной рациональности» М. Вебера и «рационализации» З. Фрейда.

Составной частью активной и целью социальной работы является и «прикрепление» (интеграция) пытающихся совладать с трудной жизненной ситуацией семей и индивидов к континууму жизни, другим людям, своей собственной истории. Решение этих вопросов связывается с повышением уровня позитивного отношения к меньшинствам, которое проводится в жизнь идеи социальной валоризации, оказывающиеся возможными при условии официального признания и активного государственного вмешательства в эти процессы. В США эти идеи получили выражение в New Deal, в Западной Европе - Welfare State. Последние 20 лет выдвинули на повестку дня для сторонников валоризации вопросы превращения государственно-зависимых людей - пассивных получателей пособий в полноправных граждан, ответственных за себя и своих близких.

Эта тема оказалась напрямую связанной с трансформацией редистрибутивного государства в инвестирующее, знаменующей.е. переход от прямых социальных выплат, благодаря которым социальное положение нуждающихся становится неподконтрольно общественности, к созданию возможностей для экономического и социального роста малоимущих семей в рамках концепции социальной политики “Do-It-Yourself” (сделай-это-сам). В этом и суть понятия «Workfare» - требование к получателям пособий активно искать работу или проходить профессиональную подготовку. Это требование восходит к утверждению П.А. Сорокина о том, что будущее процветающее общество будет обществом, основанном на трудовом начале.

Однако, как и медицинская модель, теория активизации социальной работы имеет не мало ограничений. Прежде всего, из-за «оправдания» неизбежности процессов выживания семей, оказавшихся в силу субъективных или объективных причин в трудной жизненной ситуации. Теория исключения недооценивает, а теория активности переоценивает степень контроля со стороны социальной работы (а, следовательно, государства) жизни семьи благодаря тому «участию», которое они в ней принимают. Кроме того, обе теории, предполагают, что процессы дезадаптации протекают у всех семей одинаково, а сами они рассматриваются как группы гомогенные, по отношению к которым не обязателен учет в качестве основного их «личностного» фактора и влияния индивидуальных различий в опыте маргинализации. Гораздо чаще эти теории вместо того, чтобы исследовать, как именно большинство семей выстраивают свои межличностные отношения и отношения с социумом, активно учат их тому, как и что им следует делать, а потому в равной степени обе теории являются предписывающими, регламентирующими, увлеченными ценностными и нормативными определениями того, что значит «благополучно» выживать, оставаясь в пассивном состоянии. И теория социального исключения, и теория активизации ставят в центр внимания не клиента, а социального работника, его функции как диагноста, фасилитатора, советчика, старающегося повысить скрытый потенциал объекта воздействия при отсутствии желания подключить его собственную активность. Они не учитывают роли механизма интерференции индивидуальных, социокультурных и средовых детерминант, предопределяющих тот или иной исход разнообразных соприкосновений человека (семьи) с окружающим миром, жизненной средой. Теория активизации и теория исключения вырабатывают свой ресурс и в части «отречения» от клиента в пользу общественного целого («социального организма»), в то время, как для современных социокультурных условий особенно остро обозначается необходимость такой социальной и психологической компетентности семей, которая способна вывести их на самостоятельное и конструктивное преодоление трудностей и тем самым – на увеличение жизненных шансов и обретение социальной и индивидуальной субъектности..

Во второй главе - «Особенности и главные направления становления системы социальной работы с семьей в условиях трансформации российского общества

конца XX - начала XXI века»

внимание фокусируется на социологическом анализе условий институционализации социальной работы в России в указанный период.

В первом параграфе - «Социальные последствия трансформационных процессов и изменений социальной структуры общества и их влияние на становление института социальной работы с семьей в России» диссертант отмечает,

что о организационные преобразования, выразившиеся в создании новых демократических институтов как достаточно сильных посредников, способных поддерживать взаимозависимость мира экономики и мира культуры, появляются гораздо быстрее, чем осмысление их значения и роли, оказываются лишь внешними показателями социальной трансформации. Внутренними выступают те радикальные изменения, которые происходят в социальной структуре, и прежде всего в ее классовой и стратификационной проекциях. Они отражают такие агрегированные показатели, как развитие человеческого потенциала и усилия государства в сфере материального и духовно-нравственного существования общества. Понятие «социальная структура» - категория, обладающая свойством объяснять любые проявления общественной жизни, а потому по ее состоянию и качеству можно судить об уровне и направленности социальной энергии общества, необходимой для обновления его жизни. Социальная энергия, в свою очередь зависит от отношений, сравнительной влиятельности и активности тех социальных сил, которые заинтересованы в разных сценариях общественного развития и прилагают усилия к их реализации (Т.И. Заславская). С ней может связываться и основа планируемых социальных изменений, в том числе, в такой сфере, как социальная работа.

Ведущие социологи страны В.Э. Бойков, З.Т. Голенкова, В.А. Гордон, С.В. Дармодехин, Т.И. Заславская, Е.Д. Здравомыслов, Игитханян, И.В. Косалс, Н.М. Римашевская, Р. Рывкина, В.О. Рукавишников, Г.Н. Соколов, Ж.Тощенко, В.А. Ядов, и др., прослеживая характер преобразования социальной структуры, обнаруживают в ней целый ряд противоречий: преобладание нисходящей социальной мобильности над восходящей; резкое социальное расслоение, обособление и отделение плохо понимающих друг друга слоев, расширение социальной и экономической пропасти между богатым «меньшинством» и подавляющей массой народа. При всем разнообразии социального состава Россия демонстрирует устойчивую тенденцию превращения в своеобразное «большинство» не только традиционных групп с низким уровнем доходов и культурной компетентности, но и новых, прежде всего, «абсолютно бедных» и «работающих бедных» (Н.М. Римашевская, З.Т. Голенкова, Т.И. Заславская, и др). Закономерным и прямым следствием структурных изменений в экономике и падения жизненного уровня населения стала и характерная для любого переходного периода маргинализация как утрата в результате перемен в общественном статусе индивидами своей идентификации с определенными социальными общностями. В

российском обществе четко обозначены положение и интересы лишь богатых и бедных. Такое общество антагонистично, неустойчиво, конфликтно (З.Т. Голенкова). Отсюда и его деятельностный отклик на правила игры, а вернее, на политику государства и власти, укладывающийся сегодня в концепции «общественного разлада», «социального конфликта», социальной дезинтеграции, «социальной и культурной травм», «массовой тревожности и страха». Потеря ценности многих ценностей, стремление к недостижимым целям, приверженность «нормам» непригодного поведения как свидетельства культурных травм, способствуют устойчивой деградации социальной структуры. Характерной особенностью процессов социального расслоения в направлении биполярности стала их скорость, а также гипертрофированность форм. Квинтильный коэффициент дифференциации доходов, отражающий соотношение доходов верхней и нижней 20-процентных групп по доходам, возрос с 2,5 – 3 раз в конце 80-х гг. до 7 – 9 раз в 2001 и 15 – в 2007. Паттерн неравенства и бедности в постсоветской России не идет ни в какое сравнение с развитыми странами. Обращают на себя внимание и моменты региональной дифференциации, исключительное положение Москвы и Петербурга.

За истекшие 15 – 17 лет российское общество не только не решило жизненно важных для него проблем, но и не приобрело тех качеств, которые сделали бы его более сильным и действенным субъектом социальных преобразований. Для этого ему не хватает, во-первых, социальной и культурно-политической интеграции, и, во-вторых, социального здоровья, жизненной активности. Процессы становления социальной структуры, которая трансформируется не столько путем замещения старых структурных элементов новыми, а в результате наложения одной структуры на другую, их противостояния свидетельствуют о ее неустойчивости, аморфности, фрагментарности, что позволяет оценивать ее качество, как низкое.

Специфика нынешней ситуации заключается в том что, российское общество, характеризующееся лишь формальными гражданственными и демократическими признаками, оформляется институционально в основном «сверху», с использованием механизмов власти и со значительным опережением и не полным соответствием культурно-психологической среды и уровня и состояния ценностного согласия. В целом на отечественной почве развивается такая модель формирования общества, в которой очень высока «разрешительная функция государства».

А потому

из

начально одинаковые «на бумаге»

социальные институты,

взаимодействуя в зависимости от социального контекста с традициями «местной»

жизни, а также с ее коллективными формами, могут полностью изменить свое содержание. Чтобы демократические институты действительно «заработали», нужна их длительная взаимная адаптация с практиками взаимодействия, а также действительное толкование формальных законов на уровне местных гражданских традиций, складывающихся, как правило, в процессе длительной истории.

Второй параграф – «Государственная социальная политика и процессы формирования маргинальных групп»

посвящен анализу деятельности современного института социальной политика и его взаимосвязи с состоянием социальной структуры, обусловившей процессы эскалации неравенства и маргинализации населения. Во всем мире указанные феномены связываются с положением на рынке труда и с экономической стратегией государства. Диссертант рассматривает теоретико-методологические подходы к пониманию сущности социальной политики, как ставящие на первое место проблемы гармонизации интересов разных социальных групп, имея ввиду совокупность разноуровневых управленческих воздействий на жизнедеятельность населения с целью консолидации общества и обеспечения стабильности политической власти на основе регулирования. Т. Парсонс определяет «политику» как целенаправленную, преобразующую деятельность по мобилизации и использованию общественных ресурсов. По сути, Россия постоянно демонстрирует попытки отказа от идеи «социального государства», продекларированного в Конституции РФ и особенно статьях 38 и 39., аргументируя это нехваткой экономических ресурсов. По мнению В.Л. Иноземцева, в этом проявляется нежелание высшего класса делиться своими доходами, исконный страх, испытываемый за них, возможность нанесения ущерба прогрессу производства в условиях господства экономических отношений. Экономическая и социальная нестабильность, несбыточность надежд, крушение планов, бедность, безработица, интенсифицируют процессы маргинализации населения. Основные «зоны» маргинализации в современной России – это те срезы социальной жизни и сегменты рынка труда, в которых концентрируется высокий уровень социально-профессиональной маргинальности. К ним относятся: отрасли экономики, в которых значимы изменения численности занятых - легкая, пищевая промышленность, машиностроение; бюджетные организации науки, культуры, здравоохранения, образования; предприятия ВПК; армия; регионально-поселенческие особенности – территории трудоизбыточные, депрессивные, со свертываемой монопромышленностью; и т.д. В социальном составе маргинальных групп выделяются: работающие взрослые - более одной трети (39,0); пенсионеры - около одной пятой (20,6%); безработные - 3%; домохозяйки, включая женщин, находящихся в декретном отпуске по уходу за ребенком - 5,3%. В плане демографической типологии отмечаются следующие группы семей: а) супружеские пары с детьми и другими родственниками (50,8%); б) неполные семьи, которые могут включать в свой состав других родственников (19,4%); в) многодетные (29,8%). «Чисто российским» феноменом оказались «новые работающие бедные» – лица трудоспособного возраста, имеющие детей и прежде принадлежавшие к средним и средне-высоким общественным группам, по своему образованию, квалификации, социальному положению никогда не относящиеся к

малообеспеченным слоям. Тенденция умножения маргинальных групп - свидетельство не столько развития рыночных отношений, сколько экономической дезорганизации общества, а также –иррациональности в регулировании распределительных отношений, когда минимальная зарплата никак не может достичь хотя бы прожиточного минимума и постоянно оказывается ниже минимальной пенсии, а по отношению к производительности почти вдвое ниже, чем в развитых странах

.

Бедность и маргинальность представляет не только экономическую, но и морально-политическую проблему (З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян). Обесценивание труда ведет к утрате навыков, вырождению трудовой культуры и замещению ее криминальной, к деградации людей. что позволяет говорить о своеобразной моральной аберрации этических составляющих трудовых отношений, нормы и ценности которых перестали быть центральными категориями политических программ и смыслом деятельности российских политиков. Патетика тех, кто проводит в стране либеральные реформы, сводится к одному – чтобы «уже в обозримом будущем Россия прочно заняла место среди действительно сильных, экономически передовых и влиятельных государств мира». Однако, если жизнь большинства населения строится на различных стратегиях и моделях выживания, в отдельных регионах с той или иной мерой успешности реализующихся в 49,4% случаях, то это говорит о неспособности государства осуществлять экономические и политические преобразования.

В таких условиях выживающие все больше удаляются от успешно и активно адаптирующихся к происходящим в обществе изменениям. Негативное содержание принимает в этом случае и идентификация, которая, следуя за адаптацией, действует от противного - отталкивая, а не притягивая людей друг к другу. Социальное взаимодействие, интегрирующееся в систему переходного кризисного состояния общества, приобретает более сложный и противоречивый характер.

Во всем мире все большую поддержку получает точка зрения, согласно которой экономические и политические теории, служащие основанием для расширения социальных бедствий, так же неприемлемы, как и идеологии бездумного консьюризма. Когда социальная политика исходит из того, что деятельная часть населения не нуждается в социальных гарантиях, чтобы ей за ее производительный труд были обеспечены нормальные условия существования, она ведет к разрушению социальности общества

.

При его дезинтеграции и расслоении становление социальной работы неминуемо рождает концептуально-деятельностный конфликт, в рамках которого гуманистические

основания и демократические инструменты, вольно или невольно участвующие в этом процессе, вступают в противоречие с объективно ограниченной сферой ее реализации. Кроме того, она может и должна проводиться на фоне развития производства, увеличения рабочих мест, поддержания социальных гарантий, но никак не наоборот. Пока же Россия стоит перед выбором: либо подвергаться постоянной угрозе агрессивных вспышек значительной части представителей маргинальных групп, либо затрачивать специальные усилия и средства на их поддержку, обучение, просвещение.

В третьем параграфе - «Механизмы воспроизводства и закрепления постоянной бедности семей и их стигматизации в контексте современной системы социальной защиты населения» раскры

ывается роль системы социальной защиты в процессе трансформации профиля маргинализации и порождающей ее бедности. Социальная защита, отражающая различные стороны социальной политики, исполняет роль своеобразной платы общества и бизнеса за мир, стабильность и возможности нормальной хозяйственной деятельности. Основопологающие вопросы развития системы поддержки семей с детьми относятся к высшему уровню управления – выработке и формулированию государственной политики

в этой области, определению правил финансирования, формировании институциональной инфраструктуры. Органы и учреждения социальной защиты населения выступают исполнителями функции государства по реализации ожидаемой справедливости в форме перераспределения доходов и предоставления субсидируемых услуг. Следовательно, когда речь идет об адресной материальной поддержке и оказании услуг, система может быть эффективной и отвечать ожиданиям общества только при условии их эффективного функционирования. Цели деятельности учреждений, выраженные в законодательно закрепленных нормах, определяются господствующими этическими представлениями о справедливости, а также политическими процессами и обуславливают высокие социальные ожидания.

Отказ от универсального подхода в деятельности социальной защиты в пользу «адресности», привел к тому, что вся ее система стала идентифицироваться с таким частным случаем, как помощь наиболее малообеспеченным семьям. Он же спровоцировал расширение слоя малообеспеченных семей, сознание которых благодаря такому пониманию смысла «адресности» деформировалось в сторону того, что надо быть малоимущим, чтобы государство проявило к тебе внимание. С 2002 г. в России были выработаны не только общие принципы и условия социальной защиты, но и методические подходы к оценке нуждаемости, согласно которым проверка или расчет нуждаемости семей стал проводиться на основании имеющихся в домохозяйстве прямых (налогооблагаемых) и косвенных (жилищные субсидии, льготы, пособия) доходов. Учету подлежала доля (традиционно высокая), которую занимают в семейных доходах

распределяемые блага и привилегии, потенциальных доходов, которые могла бы семья иметь в результате рационального использования принадлежащего ей имущества (излишки жилья, дача, подсобное хозяйство, гараж, автомобиль), трудовой потенциал - занятость трудоспособных граждан. При отсутствии уважительных причин для безработицы одного из членов семьи, ей отказывают в помощи. Иными словами, принципы государственной благотворительности были сформулированы таким образом, чтобы исключить помощь тем низкодоходным семьям, которые имеют экономический и трудовой потенциал. Предполагалось, что тем самым можно стимулировать активизацию внутренних резервов домохозяйства, пресечь иждивенчество и формирование экономической зависимости. В таких условиях на первое место выдвинулся критерий выявления кандидатов, достойных прав на социальную защиту. На фоне роста числа работающих бедных семей в социальной защите были предложены программы все более жесткого контроля за претендентами на социальную помощь, сформировавшие образ самой «заслуживающей помощи» маргинальной семьи - не имеющей ни рабочей силы, которую можно выгодно продать, ни ресурсов, которые она могла бы превратить в капитал.

Несмотря на то, что даже эффективно действующие (и то только в «сильных» регионах) программы помощи действительно снижают остроту и глубину бедности, проблем снижения уровня бедности они не решают. С формально-статистической точки зрения уменьшается дифференциация доходов только между нищими и бедными, а не между бедными и не бедными, уменьшающие масштабы нищеты, но не масштабы бедности. «Адресность» стала и средством администрирования бедности, управления ею. В ее рамках исполнителям от высшего до среднего, и далее – до низшего, приходится ориентироваться не столько на юридические нормы, сколько их прототип – социально желаемую ситуацию, формулируемую произвольно, как они сами ее воспринимают при взаимодействии с внешней средой – клиентами и принимающими решения лицами. Тем самым, главным ресурсом при преодолении трудностей и препятствий на этапе понимания целей социальной защиты стал человеческий фактор

Полученные диссертантом данные наглядно свидетельствуют о негласных предпочтениях работников социальных служб относительно тех семей, которые имеют больше всего или не имеют вообще оснований на помощь извне. Самыми «привлекательными» клиентами для социальных служб становятся «работающие бедные семьи», проявляющие трудовую активность. Одобряемым основанием являются также одинокое материнство или отцовство, многодетность, трудовая активность и получение пособия как временная мера. Низкая заработная плата также считается значимым аргументом в пользу получения государственной поддержки: государство должно компенсировать свои просчеты. Именно таким категориям отдается предпочтение и при регистрации. Как самые «недостойные» оцениваются специалистами семьи, квалифицируемые в качестве «неблагополучных». Характеристиками, оправдывающими такое отношение, выступают пьянство, лень,

привыкание к бедности, неспособность вести нормальный образ жизни, воспитывать детей, сохранять семейные узы. Среди всех семей, зарегистрированных в социальных службах в 2005 г., неблагополучными считались до 21%. Значимым элементом механизма исключения таких семей из системы социального обеспечения стала и стигматизация их в качестве «неприличных» бедных

Культурные составляющие, как интерпретации и коллективно разделяемые смыслы, вносят свой вклад в процесс стигматизации, как и установки на «правильность» - «неправильность», пригодность - непригодность того или иного поведения, его соответствие или не соответствие складывающимся в обществе убеждениям. Политика управления бедностью со стороны органов социальной защиты и способы их взаимодействия со стратегиями выживания семей, помогают вырабатывать устойчивые правила решения материальных трудностей, вызванных сменой системы жизнеобеспечения и того, насколько они способствовали преодолению или углублению материальных лишений. Такое взаимодействие проводится в режиме социального исключения, который характеризуется: а) особым вниманием социальной защиты к самым депривированным группам семей, испытавшим резкое снижение уровня материальной обеспеченности и социального статуса, так как направляясь на поддержание достигнутого низкого уровня жизни, а не на его повышение, она тем самым преобразует временно бедные семьи в постоянно бедных и этим завершает данный процесс, б) групповым поведением семей, нацеливающим их на отождествление себя с бедными, признание своей экономической зависимости при закреплении практики выживания вне достижительских сценариев. Социальным контекстом действия режима исключения оказывается утрата стабильных связей с рабочим местом, прежде являвшимся центром перераспределения, а теперь – основным источником денежных средств.

Основанная на постоянной и регулярной проверке нуждаемости претендентов, которую им нужно постоянно доказывать, она не решает проблем таких семей, так как не стимулирует получателей на активность и самостоятельность. В силу своей незначительности, избирательности, направленности на поддержание, а не повышение достигнутого уровня жизни социальная помощь не является фактором преодоления, т.к. носит компенсаторный, а не мобилизационный характер. В силу своей незначительности, избирательности, направленности на поддержание, а не повышение достигнутого уровня жизни социальная помощь не является фактором преодоления, т.к. носит компенсаторный, а не мобилизационный характер. Режим исключения, предполагающий конструирование непривилегированной социальной позиции в ходе администрирования бедности и выработка устойчивых способов выживания вне достижительских практик хозяйствования, способствует формированию реальных и устойчивых групп постоянно бедных. Вырабатывая для себя стратегии совладания с трудностями, они испытывают двойное исключение – из-за экономических потерь на рынке труда, не компенсирующихся слабой социальной защитой, б) в результате формирования частных практик выживания. Не ослабляя эти тенденции, социальная защита усиливает частную оборону от «рыночного произвола» в виде разнообразных, в том числе, теневых источников доходов и саморазрушающего (порочного) поведения. Со

своей стороны о общество, в котором не изжиты традиции тоталитаризма, прибегает к стигматизации и вытеснению таких семей из нормальных социальных сетей, превращая их в изгоев, трансформируя существующие социальные группы, определяя их низкий социальный статус, экономическое поведение и нормативно-ценностные установки.

3-я глава – «Теоретические проблемы институционализации социального патроната семей»

исследует онтологические аспекты социального патроната, его предпосылки и типы, бытующие в разное историческое время, рассматривает концепцию институционализации его практики, специфика и цели которой связываются с интеграцией семей, оказавшихся в состоянии социального исключения, в общество, описывает основные функции

Первый параграф - «Историко-культурный генезис и реконструкция института социального патроната»

анализирует проблему институционализации социального патроната с позиций его реконструкции и воспроизводства, имеющих исторически реальные корни и склонность к социально-эволюционной динамике. Первая позиция предполагает использование жанра исторического исследования, представляющего данную социологическую категорию как меняющуюся во времени и пространстве конфигурацию повседневных практик. Вторая - динамический аспект, предполагающий его системное формирование на поэтапной основе в рамках непрерывности процессов изменений и воспроизводства институциональных форм, особенно в отношении механизмов функционирования и развития направлений деятельности.

Действительный смысл социального патроната содержится в конкретных способах деятельности, которые он использовал или использует, «рождаясь» всякий раз как бы заново. В своей первоначальной форме он воспроизводил архетипические, основанные на общинных ценностях и нормах человеческие взаимоотношения, строившиеся по принципу ограниченного объекта. Субъектами помощи в системе общественных отношений становились отдельные «лица», пользующиеся своеобразным правом-привилегией для институционализации разных форм помощи и поддержки (филантропия, меценатство, патернализм). Такая система отношений как раз и получила название патроната, который не только устанавливался, но и ритуально «обставлялся». В дальнейшем модель общественной благотворительности складывалась в рамках деятельности церкви, и особенно, монастырей, ставших, по сути, первыми социозащитными учреждениям, со временем обуславливающейся всякого рода постановлениями. С формированием государственности важнейшим атрибутом общественных отношений становится принцип

«мира и спокойствия» и принцип «благочиния». В этих условиях через законодательные меры власти инициировали деятельность церкви на благотворение убогих. С конца XV-XVI века создавались уже и первые механизмы законодательной регламентации частных общественных инициатив. Для данной модели была характерна децентрализация в области финансирования, отсутствие единых подходов к социальному обеспечению нуждающихся, волонтаризм в вопросах социальной поддержки, периодический, а не систематический характер деятельности. В начале XX века в рамках благотворительной деятельности наметился сдвиг от попечительства и общественного призрения к профессионализму. Развитие социальных служб в России до 1917 г. во многом повторяло процесс, характерный для европейских стран и США. Период с 1917 до начала 90-х гг. в нашей стране представлен этапом формирования и развития модели государственного патернализма, закрепляемого системой строгой государственной регламентации экономической, социальной и политической жизни общества. Она ориентировалась на уравнивательные формы социального обеспечения, формировавшего в сознании граждан значимость ведущей роли государства как основного механизма решения всех проблем.

Структурно-функциональный и законодательно-нормативный аспект формирования системы государственного патернализма выражен рамками поэтапного формирования механизмов реализации социальной защиты населения. В 1937 г. стал использоваться медицинский «патронаж» как медицинский уход или присмотр (контроль), в первую очередь за состоянием новорожденных детей и их матерей на дому силами специалистов детских поликлиник, женских консультаций, а также патронаж психически больных.

Нынешняя модель государственной переходной социальной политики, начиная с 90-х гг. XX века, характеризуется направленностью на «стабилизацию уровня жизни граждан», тогда как в предшествующие годы она строилась на уравнивательной стратегии. После принятия в 1995 г. законодательно оформленным, т. е. легитимированным и институционализированным остается лишь социальный патронаж - как регулярное материально-бытовое и социальное обслуживание недееспособных одиноких престарелых граждан в домашних условиях.

Практики социального патроната, меняясь исторически, во времени и пространстве, эксплицитировались в качестве одного из фрагментов культурного фона, усваиваемого в процессе социализации как некоторый естественный, но до конца не проясненный порядок вещей, который зависел от господствующей в обществе идеологии, культуры, системы ценностей. Действительный смысл этих практик закладывался в те конкретные способы социальной работы, на фоне которой они и использовались. После 80-х гг. XX века место тотального «патроната» и «патронажа» в этих странах начинает прочно занимать «работа со случаем» (casework).. Российская социальная работа, которая на официальном уровне продолжает

рассматриваться как акт социальной справедливости и государственного милосердия, осуществляется в основном с позиций а) либерального и б) строгого патернализма.

В целом, патронат можно рассматривать как обусловленный социокультурными особенностями и общественной формацией тип социальной работы, который обусловлен усложнением социального бытия и социального взаимодействия, восстановления социальной субъектности индивида (семьи) как концентрированного выражения их интегративности.

Второй параграф – «Концепция институционализации практики социального патроната семей» представляет и обосновывает концепцию социального патроната. Теорию его практики отнести к третьему поколению теорий социальной работы, разрабатываемому за рубежом Г. Барлетом Г. Гольдстейном, А. Пинкусом, А. Минахеном, М. Сипориноми др., и получившему название «контекстуальное».

Принципиально важным в нем является представление об обретаемом семьями, оказавшимися в состоянии социального исключения, опыте как зависимом в равной степени: а) от экономических и социальных, б) биологических и индивидуальных особенностей семей. Паттерны социальной изоляции связываются в этом подходе с размещением семей в социальной и экономической структуре общества и своими корнями уходят в историю семьи. Согласно контекстуальной теории, социальная изоляция семей должна изучаться в контексте общества, его структуры, истории, системы ценностей, с применением методологического инструментария социологии и рассмотрения вопросов неравенства, определения негативных социальных аттитюдов и социально-экономической политики государства как первично ответственных за условия жизни таких семей.

Проводя дифференциацию семей в терминах их опыта, контекстуальная теория говорит о субъективном значении той жизни, которой они живут, не смотря ни на что, особенно в таких важных и конструктивных элементах, как младшее поколение, дети, проблемы их будущего. Это ставит перед социальной работой особые требования к изменению отношений с данным типом семей, что как раз и нашло выражение в сведении разрозненных нитей в основном узкой и специализированной практики социальной работы - в холистский, унитарный, «генералистский» подход, обеспечивающий ее исследователей концептуальным инструментом, позволяющим проводить ее не только во всем объеме (комплексно) и что называется, по горизонтали, но, главное, глубинно, на основе понимания природы происходящих с семьей перемен, их оценки и интерпретации. В социальном патронате семей основные положения контекстуальной теории выразились особенно четко : он развивается в рамках интегративного и комплексного подхода, с позиций междисциплинарного и межведомственного

партнерства и в интересах повышения доступности и качества социальной помощи семье и полностью очетается с индивидуальным подходом к семье в ее ситуации, обозначаемым Ф. Холлис термином « casework », т.е. работа с отдельным случаем, что предполагает восстановление жизненных сил и благополучия семей, необходимых для преодоления социального исключения.

Концепция обосновывает сущность социального патроната семей, его предмет, цели, задачи, принципы, механизмы осуществления, объект – семью, оказавшуюся в состоянии социального исключения, предмет - ситуацию социального исключения. Последняя квалифицируется в диссертации как угрожающая самой возможности для семьи жить и удовлетворять свои основные потребности. Такие особенности ситуации исключения четко экспонируют модель не просто трудной, а именно опасной жизненной ситуации, сквозь призму которой можно проследить проходящую «через семью» связь ее состояний с параметрами социальной среды, в рамках которых реализуется жизнедеятельность и присущие ей способы взаимодействия с этой средой, ее интерпретации и персонализации. Диссертант полагает, что именно ситуация социальной изоляции и состояния семей, переживающих ее, должны определять задачи и содержание патроната - как длительной, реабилитационной по своей сути работы с семьей, требующей восстановления и возрождения действия механизма идентификации – обособления, а также реконструкции субъективного образа мира ее членов и целостности взаимоотношений с окружающей средой. В основу социального патроната заложен ценностный взгляд на семью и ту роль, которую она играет в жизни каждого человека, необходимости раскрытия ее потенциала. В соответствии Целью социального патроната является развитие у семьи такой социальной, профессиональной и психологической компетентности, которая способна вывести ее на преодоление ситуации исключения и изоляции, представляющей опасность для нее самой, для ее членов, окружающих. Тем самым, патронат призван стать «целенаправленным институциональным механизмом», действие которого помогает приостановить накопление неблагоприятных социальных обстоятельств.

Институт социального патроната строится как самостоятельное системное социальное образование и атрибут общественной жизни, потребность в котором обусловлена признанием многообразия индивидуальных особенностей семей (индивидов) и наличия в обществе того непредсказуемого, отклоняющегося от норм, маргинализованного меньшинства, которое не должно подвергаться дискриминации и дискредитации. Новое качество взаимоотношений и взаимодействия государственных социальных служб и

семей, оказавшихся в состоянии социального исключения, обеспечивается благодаря реализации и развитию целого ряда свойственных патронату принципов и подходов: - особая организация его отношений с семьей, оказавшейся в ситуации социального исключения, в большинстве своем, как с недобровольными, сопротивляющимся и вынужденным клиентом, который, считая себя несправедливо ущемленным, не формирует запросов на помощь (за исключением, материальной) - сосредоточение внимания специалистов патроната на двух, тесно взаимосвязанных аспектах: вовлечении семей как потенциальных клиентов в межличностные отношения и формирование у них мотивации на такие отношения, т.е. на сотрудничество и адекватное восприятие воздействий. Только когда семья демонстрирует осознанную готовность не только стать пользователем услуг, но и взаимодействовать, работая над своими проблемами, она получает статус клиента патроната, который закрепляется письменным договором (контрактом) и наделяет обе стороны определенными и заранее оговоренными правами и обязанностями – «полномочиями» в отношении друг друга; - успешность деятельности социального патроната как институциональной и организационной структуры зависит от управленческих решений, и в частности, от такого формата управления, как стратегический менеджмент и объединенная, «командная» работа различных специалистов наряду с привлечением к процессам планирования, принятия решений, их реализации в случае необходимости служб, учреждений иной ведомственной принадлежности, т.е. всей совокупности институтов социализации семей, оказавшихся в состоянии социального исключения. - образование пространства целесообразной деятельности как совокупности технологического и методического инструментария; согласования процессов его применения с практическими задачами, планами и программами между его участниками, что позволяет всем, кто вовлечен в патронат, иметь идентичность - быть социальным работником, осуществляющим его; развитие фоне общих для каждого норм и правил, практических навыков и умений, ценностей и идеологии социального патроната, раскрывающих осмысленные идентичности, осваиваемые в процессе взаимодействия друг с другом и семьей.

Третий параграф - «*Основные функции социального патроната*» рассматривает контрольно-аналитическую, профилактическую, воздействующую, поддерживающую (фасилитационную), защитную (представительство и отстаивание прав и интересов клиента), на которых базируется его практика. В отличие от структурных свойств патроната, функции являются «поверхностным» и процессуальным его слоем, в котором отражается, с одной стороны, многосторонняя деятельность специалистов, непосредственно связанная с побуждением семей к решению своих проблем для выхода из состояния социального исключения, с другой - зависимость его структурной специфики от этих функций (функциональная зависимость).

Выполнение *контрольно-аналитической функции* связано с «легализацией» (выявлением) и «открытием» семейного случая для социальной службы и с

последующей за этим оценкой отдельных действий (поведения) членов семьи, способных придать им определенный социальный смысл еще до того, как семья становится клиентом. Выполнение контрольно-аналитической функции - процесс динамичный, мотивированный достижением поставленных целей Контроль не теряет своего значения, как на стадии «открытия» случая, так и в процессе организации патроната семьи, т.е. на ее интенциональной фазе, а также в процессе управления им при непосредственном взаимодействии с семьей. Оценка усилий по достижению запланированных перемен (мониторинг) сосредотачивает внимание на двух связанных между собой факторах – на процессе работы «здесь и сейчас» и на ее результатах.

Профилактическая функция - это реакция на уже возникшие негативные явления, связанная с устранением еще более опасных последствий социального исключения в социальную деградацию семьи. Общепризнанным
методом профилактики в практике социального патроната является «квалифицированное кризисное «вмешательство» в ситуацию» семьи, определяемое как действия и предписания, посредством которых социальная служба не буквально, а косвенно «внедряется» в семейную систему и производит в ней те или иные первичные изменения.

Воздействующая функция – это всегда попытка изменить состояния, мысли, чувства и действия при сохранении права и времени клиента отвечать на нее так, как он считает нужным. Цивилизованное воздействие в структуре патоната свободно от силовых, демагогических и обманных приемов и лишено страха и волнений. Каждый его акт - «это способность воздействовать на другого побуждающим, сдерживающим, успокаивающим либо другим развивающим образом, изменяющим не только поведение человека, но и взгляды, мотивы, сознание и даже характер».

Поддерживающая функция - основа конструктивного взаимодействия с клиентом. Суть поддержки состоит в создании со-бытийной общности семьи и социальной службы.

Представления о «со-бытийности» связаны с именами М.Хайдеггера (mit

-

Anderen

-

Sein

), М. Бубера (Я и Ты), А.С. Хомякова (неслиянно-нераздельная соборность) и др.

«Со-бытийность» рассматривается как пространство, внутри которого «вынашиваются» индивидуальные, еще не раскрытые возможности семьи и начинается ее новая «жизнь».

Защитная функция исходит из признания множественности и многообразия индивидуальных проблем и потребностей семей. Как отмечает

McGo

«Концепция защиты прав клиента предполагает, что социальное обслуживание и социальные блага являются формой государственной собственности, на которую различные классы и группы населения имеют определенные права». Идея правовой защиты и представления интересов отдельного клиента в соответствии с целесообразностью каждого конкретного случая является наряду с концепцией профессионализма стержнем понятийной структуры социального патроната.

Понятие функций для патроната является центральным и рассматривается в двух аспектах – а) как «роль» одной из них, его элемента (например, воздействие) в создании целостности и по отношению к другим (к поддержке или, профилактике.) и к патронату; б) как такая «зависимость» в рамках патроната как системы и структуры, при которой изменение одной функции, например, характера воздействия (не директивного», клиент-центрированного на воздействие строгого, типа санкции, наказания) оказывается производным (функцией) от изменений другого (к примеру, характера контроля над семьей на прямой, жесткий). Все это свидетельствует о связях и зависимости функций «внутри» патроната. Выделяются и такие процессы функционирования социального патроната, которые поддерживают порядок и правила его проведения, и процессы которые его «производят» как институциональное образование. В совокупности и те и другие обеспечивают его стабильное существование, соотносимое с процессами его развития вследствие специально предпринимаемых для этого усилий.

Четвертая глава – «Интерактивная составляющая институционализации социального патроната как условие преодоления социального исключения» анализирует особенности практики институционализации социального патроната семей, описывает способы его организации, управления им; описывает стадии или этапы патроната, т.е. его динамику.

В первом параграфе -- «Эмпирический анализ институционализации социального патроната семей, оказавшихся в состоянии социального исключения» рассматриваются четыре группы вопросов. Первый связан с тем, что институционально социальный патронат начинает оформляться и реализовываться в процессе институционализации комплекса предписаний, правил и норм,

сосредоточенных

вокруг его социально значимых функций. Их репертуар, особенно в самом начале, входит в качестве составной части в сложный комплекс деятельности специалистов, формируя ее среду, условия, «систему координат».. Специалисты как действующие лица институционализации патроната, «заинтересованные» и «мотивированные» им, оказываются способными к рефлексии и осуществляют свою деятельность в виде непрерывного потока поведения, который вносит в патронат динамику и новизну благодаря

использованию как своих, так и «совместных» знаний, их пополнения, изучению «историй» семей, происходящих с ними изменений, построения с ней конструктивного взаимодействия и т.д. Жестко же приверженные внешним предписаниям, напротив, ограничиваются набором отдельных актов (рейды, проверки, обследования), «силовыми» методами воздействия на семью. Не выдерживая «невосприимчивости» к таким воздействиям, они прибегают к административным мерам и, наконец, будучи подверженными «синдрому сгорания», достаточно быстро уходят из профессии. «Текучесть» кадров, характерная для социальных служб – верный симптом доминирования в них именно «нормативной» ориентации сотрудников.

Со второй группой вопросов связан эмпирический анализ процесса институционализации социального патроната семей и его научного обоснования через адекватным образом организуемое коммуникативное пространство-время, скрепляемое системой связей и обладающее динамикой. Главная роль в такой коммуникации принадлежит процессам обратной связи, созданию системы межличностных и договорных отношений, основанных на правилах «двойного» информирования - о целях разрабатываемых планов, программах вмешательства в социально опасную ситуацию, «социальному участию семьи в исследовании, осознании и решении собственных проблем, а также методам перманентной коммуникации, апробация которых предусматривает включение ее в процесс принятия решений, напрямую зависимых от уровня уверенности в своем влиянии на исход дела.

Характер помощи семье в преодолении трудностей и повышении ее потенциала переносит фокус взаимодействия с ней на инструментальное использование языка и с помощью языка изменяют реальность – составляет третью группу рассматриваемых в параграфе проблем. Здесь говорится о том, что социальные работники «делают дела» и строят конструктивные отношения с помощью соединения слов и дел, т.е., коммуницируя, выявляя скрытые допущения, демонстрируя наличие подразумеваемого, но не всегда проговариваемого знания, пробивают брешь в фоновых ожиданиях повседневной жизни. Применение в процессе использования языка таких социальных механизмов, как переговоры, вокруг которых формируются остальные элементы практики социального патроната, легитимируют нормы и процедуры диалога и комплексные методы системного воздействия и поддержки, позволяя использовать

достижения самых разных отраслей социальных наук - социологии, психологии, философии, педагогики, экономики, и др., т.е. междисциплинарный подход. Четвертая группа вопросов предполагает развитие взаимодействия между патронатной службой и семьей не только на базе первичных социальных отношений, но и все более усложняющихся социальных образования. Чтобы диалог был эффективным, социальная служба призвана исполнять роль легитимного функционального и представительного органа, в компетенцию которого входят соблюдение социальных и экономических интересов и решение наиболее острых проблем семьи с детьми; ведение постоянных переговоров не только с ее членами для включения в процесс изменений, но (при наличии широких прав и полномочий) и с представителями властных структур и ведомств, отслеживание соблюдения законодательных актов, касающихся прав семей с детьми в социальной сфере

Второй параграф - «Институционализация социального патроната семей в процессе его организации и управления» посвящен процессу управления патронатом, которое преследует цели формирования его «внутренней» и внешней институциональной среды, а также процедур реализации, связанных с выделением групп функциональных процессов - объектов управления, их предварительным анализом и последующей оценкой. Внутренняя среда патроната – это его действующие лица, система их взаимосвязей между собой, наличие информационных и коммуникативных сетей, способность формирования организационной культуры.

Управление патронатом опирается на концепцию М. Вебера о формально создаваемых бюрократических организациях, а также рефлексивной рациональности Г. Гарфинкеля и коммуникативной рациональности Ю. Хабермаса. Субъектами такого управления выступают органы системы социальной защиты (включая административные), а также их низовое звено – лица, непосредственно ответственные за реализацию патроната и осуществляющие его. Такие отношения находят свое выражение во взаимодействии по определенным правилам между членами рабочей группы как объектами управления и субъектом как ответственным за патронат лицом, управляющим патронатом. Управляющий патронатом – это его организатор, руководитель, координатор, выступающий в качестве то ли делегированного

(
delegat

), т.е. выбранного

административным органом для обеспечения планируемых перемен, то ли эффективного и психологического лидера.

Во-вторых, патронат предстает как процесс субъектно-субъектных отношений, предполагающий их горизонтальный срез, и. тогда опирается на концепцию Р. Смелзника о взаимодействии в организациях цельных личностей, символического интеракционизма о множестве формирующих структуру индивидов ,Дж. Мида, Т.

Блумера, И. Гофмана, а также на идеи Т. Парсонса о системе как интеракции индивидов. Взаимодействие при патронате приобретает интерактивный характер, предполагающий достижение консенсуса, который придает управлению и его результатам солидарный, согласованный характер и проходит в режиме диалога между его участниками, включая семью, с установкой на согласование мнений, планов, интересов и целей сторон, так как его «выживание», как любой другой социальной деятельности, измеряется способностью именно непосредственных исполнителей к организованной, эффективной и конструктивной (результативной) деятельности.

Непосредственные исполнители патроната рассматриваются в диссертации как «транзакционная комплементарная (complementary) группа», владеющая набором социальных действий, способных обеспечить достижение планируемых перемен. Пока ее транзакции остаются комплементарными, коммуникации в группе могут продолжаться неопределенно долго. Руководителю патроната предстоит выступить в качестве катализатора, побуждающего их к сплоченности для содействия эффективному протеканию подобных процессов. Управление патронатом необходимо для того, чтобы осуществлять контроль над разрешением своеобразного конфликта, разделяющего семью и общество, путем элиминирования или минимизации проблем, и через достижение согласия между семьей и социальной службой, представляющей государство. Снятие конфликта рассматривается в качестве главного условия возможности и прочности совместно принимаемых решений. Применительно к обеспечению социальных связей и контактов между социальными работниками и семьей речь идет о взаимной ориентации сторон и рождению стремления понять друг друга, войти в положение (ситуации) друг друга как партнеров по общению.

Таким образом, совокупность взаимоотношений в системе организации управления патронатом позволяет определить его как интерактивно-рациональную управленческую структуру, вырабатывающую для себя нормы и принципы взаимодействия, способствующие эффективному функционированию патроната как управляемой и организованной, высокопрофессиональной системы.

Третий параграф – «Динамика (стадии, этапы) социального патроната семей» рассматривает динамику действий команды патроната как консолидированной группы, что позволяет выделить ряд состояний или стадий (этапов) во взаимоотношениях патронатной службы с семьей. Последовательность этих стадий предполагает закономерные изменения форм и способов поведения (действий), а также отношений под влиянием внутригрупповых и внешних факторов. На каждой из стадий как поле реализации

планируемых изменений в проблемной ситуации решаются свои специфические задачи, и при этом именно проблематичность ситуации исключения, ее особенности, характер являются существенными стимулами, побуждающими как специалистов, так и членов семей к освоению и использованию нового опыта взаимодействия. Стадии трактуются не как периоды развития, пройдя через которые к ним можно больше никогда не возвращаться, а как процесс, способствующий переменам. При этом, минуя тот или иной этап и достигнув определенных соглашений, иногда оказывается весьма актуальной необходимость «повторения пройденного», точно так же, как в силу непредвиденных обстоятельств и полное прекращение движения вперед вплоть до возвращения на прежние, исходные позиции. В этапах отражается процесс и содержание работы с семьей в парадигме патроната, а именно: 1. диагностика и оценка ситуации семьи-клиента; 2. планирование взаимодействия и выбор методов воздействия на семейную ситуацию; 3. установление первичных контактов, проведение совместного анализа проблем и формирование на основе совпадения взглядов на них устойчивой мотивации семьи-клиента на сотрудничество со службой; 4. обсуждение и составление контракта (договора) с семьей; 5. проведение патронажа; 7. завершение работы с семьей. Поэтапное и последовательное решение проблем семьи-клиента определяет необходимые и достаточные элементы патроната, без которых, по мнению диссертанта, реальная помощь семье оказывается малоэффективной.

В заключении диссертации обосновываются выводы и предложения по оптимизации дальнейшего развития института социального патроната семей, оказавшихся в состоянии социального исключения, ожидаемые результаты реализации концепции социального патроната как нового качества социальной работы с семьей, проблемы его правового обеспечения..

Основные публикации по теме диссертации:

Монографии

1. *Алексеева Л.С.* Социальный патронаж семьи и детей. – М.: ГосНИИ семьи и воспитания, 2007. – 210 (18 п.л.)

2. *Алексеева Л.С.* Семейное насилие и дети. – М.: Гос НИИ семьи и воспитания, 2007. – 166 с.. (16 п.л.)

3. Содержание и организация деятельности центров психолого-педагогической помощи населению / Под ред Л.С. Алексеевой. – М.: НИИ семьи, 1997. – 272 с.. (17 п.л.)

4. *Алексеева Л.С., Бурмистрова Е.В. и др.* Формы и методы работы с детьми и родителями в центре социальной помощи семье. – М.: Государственный НИИ семьи и воспитания, 1999. – 192 с. (12 п.л.)

5. *Алексеева Л.С., Лидерс А.Г., Овчинникова Т.Н.* Консультирование детей в психолого-педагогическом центре / Под ред. Л.С. Алексеевой. – М.: НИИ семьи, 1998. – 168 с. (10, 5 п.л.)

6. *Алексеева Л.С., Буданова Л.Б., Даньярова Т.А. Ширинский В.И.* Об опыте организации социальной реабилитации детей с ограниченными возможностями в школе-комплексе «Детская личность». – М.: НИИ семьи, 1997. – 112 с. (7 п.л.)

7. . *Алексеева Л.С.* Социальные риски семей с детьми как предмет социологического анализа / Научные труды Государственного научно-исследовательского института семьи и воспитания / Составитель Г.В. Сабитова, 2006. – Т. – с. 31 – 46. 1. (0,6 п.л.)

8. Социальная работа с семьей / Под ред. Т.И. Шеляг. – М.: Институт социальной работы, 1995. -. 175 с. (0,6 п.л.)

9. Технологии социальной работы / Под общ. Ред. Е.И. Холостовой. – М.: ИНФРА, 2001.. – 400 с. (2,5 п.л. / 2,6 п.л.).

10. Словарь-справочник по социальной работе / Под ред Е.И. . Холостовой. – М.: Юристъ, 1997.- 418 с. (26,5 п.л. / 2,6 п.л.)

11. Российская энциклопедия социальной работы / Под ред. А.М.Панова, Холостовой Е.И. – М.: Институт социальной работы. Т. 1 и Т. 2.,.: 1997.- 364 с. (0,5 п.л.)

12. Основные направления государственной социальной политики по улучшению положения детей в Российской Федерации до 2000 года (Национальный план действий в интересах детей). – М.: Синергия, 1996. – 163 с.(12 п.л.)

13. О положении семей в Российской Федерации. – М.: НИИ семьи . – 1998. – 184 с. (13 п.л.)

14. *Алексеева Л.С., Плоткин М.М., Спиваковская А.С., Ширинский В.И.* Влияние внутрисемейных отношений на формирование личности ребенка. – М.: :Научно-исследовательский институт семьи, 1994. – 176 с. (12 п.л.)

15. *Шмаков С.А., Л.С. Алексеева.* Дети – Родители – Учителя. В помощь педагогу-экспериментатору, классному воспитателю. Отв. Ред. О.С. Газман. – М.: ВТК «Классный руководитель», 1992. - 82 с. (6 п.л.)

Статьи в научных изданиях, рекомендованных ВАК Минобразования РФ

16. *Алексеева Л.С.* Насилие и дети // Социолог. исслед. 2003, - № 4. – 0,6 п.л..

17. *Алексеева Л.С.* Бездомные как объект социальной дискредитации // Социолог. исслед. – 2003, - № 9, - с .52-61.

18. *Алексеева Л.С.* Проблемы жестокого обращения с детьми в семье // Педагогика. 2006. № 5. С. 43 – 57.

19. *Алексеева Л.С.* Насилие и психическое здоровье детей // Семья в России. 2006. - № 2. – с.73-80.

20. *Алексеева Л.С.* Работа с семьей в учреждениях социального обслуживания: социально-психологический аспект // Семья в России, 1998, - № 3 / 4. - с. 112-125.

Алексеева Л.С.

Работа с семьей в учреждениях социального обслуживания: социально-психологический аспект // Семья в России, 1998, - № 3 / 4. - с. 112-125.

21. *Алексеева Л.С.* Социальная работа с семьей в парадигме социального исключения // Семья в России. 2006.. - № 3. – с. 85 – 99.

22. *Алексеева Л.С.* Методика изучения и составления истории семьи группы особого риска // Семья в России. 2004. - № 4. – с. 90-103

23. *Алексеева Л.С.* Теория активизации и социальная работа с семьей // Семья в России. 2007. - №

Статьи в научных изданиях

24. *Алексеева Л.С.* Из опыта организации деятельности Центра социальной работы «Братеево» // Социальная работа./ Отв. Ред. И.А. Зимняя. Вып. № 9. – М.: Иссл. центр проблем качества подготовки специалистов, 1993. – с.179-182.
25. *Ермаков В.Д., Алексеева Л.С., Плоткин М.М.* Основные концептуальные подходы к созданию территориальных центров социальной работы с населением // Семья в России, 1994 -№ 1.. - с.146-163.
26. *Алексеева Л.С.* Социальная реабилитация подростков: опыт Голландии // Семья в России. 1994. - № 2. - с. 148 – 167.
27. *Алексеева Л.С.* Психологическая служба семьи в системе социальной работы // Семья в России. 1996. - № 3-4. - с. 113-127.
28. *Алексеева Л.С.* Обвиняемый – подросток // Коммунист. 1990. - № 3.. – с.98 - 106
29. *Алексеева Л.* Родительские собрания: если они нужны, то для чего? // Директор школы, 1997, - №№ 5-6-7. –с.с.. 29-37; 49-55; 45-51.
30. *Алексеева Л.* Цветы запоздалые // Директор школы, 1998, - № 5.. – с. 38- 46.
31. *Алексеева Л.С.* Школа жизни против власти мэна // Социальная работа, 1992. - № 1. - с. 58 – 61.
32. *Алексеева Л.С.* Российская благотворительность: воспоминания о прошлом или наказ на будущее // Социальная работа, 1992, № 1. - с.62 – 63.
33. 32. *Алексеева Л.С.* Колонии для подростков не нужны // Преступление и наказание,

1993, № 3. - с. 53-55.

34. *Алексеева Л.С.* Неполная семья: состояние и тенденции развития // Отечественный журнал социальной работы. 2005, № 2. - с.49-53.

35. *Алексеева Л.С.* Социально-психологическая экспертиза постразводной ситуации неполной семьи как одна из технологий социальной работы // Отечественный журнал социальной работы. 2005. №№ 3, 4. - с. 48 -56

36. *Алексеева Л.С.* Ведение документации на клиента в центрах социального обслуживания // Российский журнал социальной работы, 1996. № 2. - с. 57 – 62.

37. *Алексеева Л.С.* Какой быть социальной гостинице // Социальное обеспечение, 2005, № 7. с. 17-19.

38. *Алексеева Л.С.* Методика ведения документации на клиента как одна из технологий социального патронажа //СОТИС, 2003. -- № 4. - с. 56 – 64.

39. *Алексеева Л.С.* Методика изучения и составления истории семьи группы особого риска // СОТИС. 2005, № 4. - с. 51-69.

40. *Алексеева Л.С.* Проблемный анализ кризисной семейной ситуации (технологический аспект) // СОТИС, 2006., № 4. с. 39 – 54.

41. *Алексеева Л.С.* Социально-психологическая экспертиза трудной жизненной ситуации ребенка // СОТИС, 2007. - № 1, с. 48 – 68.

42. *Алексеева Л.С.* Социально-психологическая экспертиза постразводной ситуации

семей как одна из технологий социальной работы // СОТИС, 2007. - № 2. – С. 48 – 55.

43. Алексеева Л.С. Семья и социальные риски // Отечественный журнал социальной работы. 2007. - № 2. , С. 20 – 31.

Учебные и научно-методические пособия

44. Алексеева Л.С. Методики адресного социального патронажа: Научно-методическое пособие. – М.: ГосНИИ семьи и воспитания, 2001. – 200 с. (12,5 п.л.)

45. Алексеева Л.С. Жестокое обращение с детьми и отсутствие заботы со стороны родителей и других воспитателей: Пособие для медицинских и социальных работников. – М.: ФГУ «Государственный НИИ семьи и воспитания», 2005. – 112 с. (8 п.л.).

46. Взаимодействие учреждений социального обслуживания населения с общественными объединениями при организации социального патронажа семей, находящихся в социально опасном положении: Методическое пособие / Под ред. Л.С. Алексеевой. – М.: ГосНИИ семьи и воспитания, 2003.. – 138 с. (8 п.л.).

47. Алексеева Л.С. Ведение документации на клиента в центрах социального обслуживания // Учебное пособие в вопросах и ответах / Под ред. Панова А.М. и Холостовой Е.И.. – М.: Институт социальной работы. 199. – с.0,5 п.л.

48. Организация деятельности центров социальной помощи семье и детям и центров психолого-педагогической помощи населению по предупреждению детской безнадзорности: Методические рекомендации Л.С. Алексеева, Е.В. Бурмистрова, Т.В. Земских и др./ Под ред. Л.С. Алексеевой. – М.: Просвещение., 2002.. – 208 с. (13 п.л.).
49. Адресный социальный патронаж семьи и детей: Научно-методическое пособие / Под ред. Л.С. Алексеевой. – М.: Государственный НИИ семьи и воспитания, 2000. – 160 с. (10 п.л.)
50. Алексеева Л.С. Основы организации социального патронажа в учреждениях социального обслуживания: Научно-методические рекомендации / Серия «Новое в социальной работе». – М.: ГосНИИ семьи и воспитания, 2003. – 41 с. (3 п.л)..
51. Алексеева Л.С. Социальная гостиная – структурное подразделение центра социальной помощи семье и детям: Методические рекомендации по организации деятельности. – М.: ГосНИИ семьи и воспитания, 2002. – 128 с. (8 п.л.).
52. Алексеева Л.С. Научно-методическое обеспечение деятельности учреждений социального обслуживания семьи и детей / Социальное обслуживание семьи и детей в России. – М.: ГосНИИ семьи и воспитания, 2001. – с. 100 – 106 (0,5 п.л.).
53. Психологическая помощь пострадавшим от семейного насилия: Научно-методическое пособие / Под ред. Л.С. Алексеевой. – М.: ГосНИИ семьи и воспитания., 2000. – 160 с. (10 п.л.).
54. Кошелева А.Д., Алексеева Л.С. Диагностика и коррекция гиперактивности ребенка Научно-методическое пособие. – М.: Научно-исследовательский институт семьи, 1997. – 64 с. (4 п.л.).
55. Кошелева А.Д., Алексеева Л.С. Диагностика и коррекция материнского отношения:

Научно-методические рекомендации для практических психологов социальных служб. – М.: НИИ семьи, 1998. – 76 с. (6 п.л.).

56. *Алексеева Л.С., Хухлина В.В.* Программа развития центра социально-психологической помощи семье и детям. // Проектирование развития учреждений социального обслуживания. – М.: Институт социальной работы, 1996. – с.43- 53 (0, 5 п.л.)

57. *Алексеева Л.С., Меновщиков В.Ю.* Семейная психотерапия в центре психолого-педагогической помощи: Научно-методическое пособие. – М.: НИИ семьи, 1998. – с.112. (7 п.л.).

58. *Скворцов А.В., Меновщиков В.Ю., Алексеева Л.С., Шадура А.Ф.* Содержание и организация деятельности центров экстренной психологической помощи «Телефон овеия»: Научно-методическое пособие. – М.: Государственный НИИ семьи и воспитания, 1999. – 208 с. (13 п.л.).

59. Технологии социальной работы с детьми, пострадавшими от семейного насилия: Научно-методическое пособие / Под ред. Л.С. Алексеевой. – М.: ГосНИИ семьи и воспитания, 2001, - 208 с. (13 п.л.).

60. *Алексеева Л.С.* Социальная гостиница: содержание и организация деятельности: Научно-методическое пособие. – М.: ГосНИИ семьи и воспитания, 2002. – 184 с. (11,5 п.л.).

61. Технологии социальной работы по профилактике безнадзорности несовершеннолетних в учреждениях социального обслуживания семьи и детей: Научно-методическое пособие / Под ред. Л.С. Алексеевой. – М.: Государственный НИИ семьи и воспитания, 2001. – 176 с. (11 п.л.).

62. *Алексеева Л.С., Меновщиков В.Ю.* Социальный патронаж семьи в системе социального обслуживания: Научно-методическое пособие. – М.: Государственный НИИ

семьи и воспитания, 2000. – 160 с. (10 п.л.).

63. *Алексеева Л.С.* Формирование эффективных механизмов межведомственного и межпрофессионального сотрудничества в оказании комплексной помощи семье / Межведомственное и межпрофессиональное сотрудничество медицинских и социальных работников в оказании комплексной помощи семье: Сборник информационно-аналитических материалов / Под общ. Ред. О.В. Кучмаевой. – М.: ГосНИИ семьи и воспитания, 2005. – с. 53 – 74 (1 п.л.)

64. *Насилие в семье: Научно-методическое пособие / Под ред. Л.С. Алексеевой.* – М.: ГосНИИ семьи и воспитания, 2000. – 136 с. (11 п.л.)

65. *Социальные риски семей с детьми и меры по их предупреждению: Научно-методическое пособие / Под ред. Л.С, Алексеевой.* – М.: ГосНИИ семьи и воспитания, 2004. – 8 п.л.

66. *Насилие и его влияние на здоровье: Пособие для медицинских и социальных работников / Под общ. Ред. Л.С. Алексеевой и Г.В. Сабитовой.* – Государственный НИИ семьи и воспитания, 2005. – 96 с. (7 п.л.).

67. *Инновационные технологии социальной работы с неполными семьями: Научно-методическое пособие / Под ред Л.С. Алексеевой.* – М. ГосНИИ Семьи и воспитания, 2004. – 7 п.л.

68. *Алексеева Л.С.. Семья в ситуации действия социальных рисков // Семья ХХ1 века: Материалы междунар. научно-практ. конф. / Глав. Упр. труда и соц. развития Калинингр. обл., Ком. по соц. вопросам мэрии г. Калининграда, Центр соц. помощи семье и детям.* – Калининград: Янтарный сказ, 2004. – с. 214-226 (0,6 п.л.).

69. *Организация деятельности социальной гостиницы // Научные труды ГосНИИ семьи и воспитания.* – М.: Государственный НИИ семьи и воспитания, 2003, - Т. 111. – с. 68-74 (0,5 п.л.).

70. Организация профилактики социального сиротства детей и подростков в условиях их повседневной жизни: Методы и формы работы./ Под общ. ред. Л.С. Алексеевой – М.: РБООИ «Инициатива Добрых Дел», 2001. – 80 с. (6 п.л.).

71. Влияние детско-родительских отношений на формирование ситуации социального сиротства. Из опыта работы Центра-клуба «Инициатива добрых дел» / Под ред. Л.С. Алексеевой, Л.С. Николаевой, – М.: РБООИ «Инициатива Добрых Дел», 2002. – 76 с. (6 п.л.).

72. Развитие отношений с семьей как основа профилактики социального сиротства. Из опыта работы Центра-Клуба «Инициатива добрых дел» / Под ред. Л.С. Алексеевой, Л.С. Николаевой / РБООИ «Инициатива Добрых Дел», 2002. – 6 с. (4 п.л.).

73. *Алексеева Л.С., Бобкова П.В. и др.* Теория и методика социальной работы / Учебное пособие в вопросах и ответах / Под ред. Панова А.М., Холостовой Е.И.. – М.: Институт социальной работы, 1996. – 223 с. (9,5 п.л.)

Добавил(а) Социология
01.09.10 21:11 -

Добавил(а) Социология
01.09.10 21:11 -
